

МАРГО АРНЕЛЛ

ЛАВКА ЗЕЛИЙ
ПОПАДАНКИ

Марго Арнелл

Лавка зелий попаданки

<https://litres.ru/74258072>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вернулась к жизни в теле сироты из другого мира, получила наследство. Да вот только моя земля поражена скверной, а дом выглядит пустым и заброшенным. Но унывать не в моих привычках! Исцелю землю, научусь выращивать травы и готовить зелья

А когда судьба сведет меня с привлекательным целителем Теодором и его мудрым фамильяром, жизнь и вовсе примет неожиданный поворот.

И Теодора, и дом, в котором я живу, окружает ореол тайны. Но когда это останавливало таких любознательных натур, как я?

Содержание

Глава 1. Перерождение	4
Глава 2. Наследство	11
Глава 3. Дорога	17
Глава 4. Обустройство	23
Глава 5. Лекарь	29
Глава 6. Сюрпризы	36
Глава 7. Проклятая земля	43
Глава 8. Ядовитая правда	51
Глава 9. Лекарство от яда	56
Глава 10. Исцеление	59
Глава 11. Новые возможности	67
Глава 12. Сделка	73
Глава 13. Первое зелье	79
Глава 14. Сбор трав	85
Глава 15. Лавочка зелий	90
Глава 16. Целительная мазь	96
Глава 17. Охота за редкостями	102
Глава 18. Истина где-то рядом	108
Глава 19. Слезы Грибного Короля	114
Г	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Марго Арнелл

Лавка зелий попаданки

Глава 1. Перерождение

Закончила! Я с выдохом откинулась на спинку компьютерного кресла. Пальцы приятно покалывало от скоростного набора текста.

Пост о “колдунье” Глафире, шарлатанке всероссийского масштаба, был готов. Я вынашивала его неделю, собирая компромат, как опытный следователь. Или ищейка. В один маленький пост в моем блоге на пару тысяч человек было вложено столько труда! Но все эти усилия не напрасны.

Справедливость должна восторжествовать, а правда — выйти наружу.

Назвала я пост скромно: “Колдунья Глафира: исцеление душ или развод на деньги?” В начале — стандартный набор: приветствие и краткий экскурс в тему эзотерического мошенничества. Верить во что-то сверхъестественное — личное дело каждого. Но когда на этом зарабатывают, откровенно обманывая и обкрадывая ни в чем не повинных людей... Замалчивать это нельзя.

Дальше — интереснее.

Начала с ее старого аккаунта и фото, на котором все та

же Глафира год назад рекламировала сделанные ее же руками вязанные шляпки. А уже год спустя на ее фотографиях красовались черные и красные свечи, карты Таро и хрустальные шары. В общем, полный комплект для создания мистической атмосферы.

Далее — боты в комментариях. Я пробила несколько сотен профилей и выяснила, что большинство — пустые аккаунты, созданные лишь совсем недавно. У некоторых на аватарках красовались фотографии, скачанные из фотостоков. Другие оставляли однотипные комментарии вроде “Глафира — лучшая! Она мне помогла! Советую всем!”. В общем, халтура.

Потом я перешла к “отзывам” на сайте. Тут тоже все весьма однозначно. Все отзывы написаны как под копирку, стиль один и тот же, пунктуация хромает, текст пестрит грамматическими ошибками. А самое интересное — я провела поиск по IP-адресам, с которых были оставлены эти благодарные сообщения. И что вы думаете? Оказалось, что большинство отзывов отправлено с одного и того же компьютера, который, вероятнее всего, находился где-нибудь в подсобке у Глафиры.

Но самое интересное — это ее “ритуалы”. Тут уж я покопалась с особым удовольствием. На поверку все эти “снятия порчи”, “привороты” и “отвороты” оказались обычными психологическими манипуляциями, рассчитанными на людей, находящихся в уязвимом состоянии. Запугивание (“у

вас порча, без меня вам не справиться!”), надежда на чудо (“я помогу, я все исправлю!”), создание зависимости (“приходите ко мне снова, и все будет хорошо!”).

Классика жанра.

Ну и, конечно, цены. За снятие “порчи” — несколько тысяч рублей, за приворот — десятки тысяч. За эти деньги можно сходить к хорошему психологу, который действительно сможет помочь разобраться в проблемах, а не просто высосет из вас деньги. В конце концов, на них можно было купить неплохой телефон. Или обставить кухню. Или съездить в Турцию!

Ну или куда там ездили люди, которые, в отличие от меня, умели отдыхать.

В конце поста я сделала вывод (который, впрочем, напрашивался сам собой): “колдунья” Глафира — лишь неплохой маркетолог, а не потомственная ведьма. Она играет на страхах и надеждах людей, выманивая у них деньги за пустые обещания. И мой долг — предупредить об этом как можно больше людей.

В самом-самом конце — советы, как не стать жертвой подобного развода. Ну и призыв к репостам, конечно. Куда в наше время без этого.

Я нажала “Опубликовать”, чувствуя приятную усталость. Таковую, как после генеральной уборки или удачного интервью. Сейчас на меня, конечно, выльется ведро помоев от фанатов Глафиры, но я была готова.

В последние месяцы своей жизни я могла назвать себя скорее блогером, нежели журналистом (хотя такая корочка у меня была, и даже радовала глаз приятным красным цветом)... Но и в профессии блогера были свои риски.

Внезапно зазвонил телефон.

Номер незнакомый. Да и вообще какой-то странный набор цифр. Я насторожилась, но все же взяла трубку.

— Алло?

В ответ — шипящий, злобный женский голос.

— Ты пожалеешь, что связалась со мной, дрянь!

— Кто это? — похолодев, спросила я.

Но тут же поняла, что знаю этот голос. Из роликов “колдуньи” Глафиры.

Проклятье. Как она узнала мой номер?! Я не свечу его в сети!

— Думаешь, я позволю тебе оболгать меня?! — словно змея, шипела она. — Я проклинаю тебя! Пусть твоя жизнь обратится в ничто! Ты проживешь жизнь, полную трудностей, бедную и бесславную, лишена всего, что когда-то обрела!

— Что за средневековые глупости? — усмехнулась я. Хотя было в ее голосе что-то такое, отчего у меня мороз пробежал по коже. — Глафира, бросьте эти детские игры. Пойдите лучше подышите свежим воздухом, успокоительные попейте.

— Ты пожалеешь о том, что сделала! Попомни мои слова!

И с этими словами она бросила трубку.

Я пожала плечами и отключила телефон. Вот же сумасшедшая...

Ну да ладно. Нечего себе голову глупостями забивать. Я покосилась на компьютер. Меня ждала любимая игра.

Да, мне уже тридцать с хвостиком, но я по-прежнему время от времени любила поиграть. Ведь там — иная, магическая реальность. Там ты можешь открыть для себя потрясающий, логичный, структурированный мир. Ты можешь бороться с врагами и вершить справедливость. Ты можешь быть кем угодно!

В моей любимой игре я была алхимиком — собирала травы, варила из них зелья, а на вырученные деньги покупала заклинания и оплачивала услуги наставников, день ото дня практикуясь в магии.

Играла я на сложном режиме, и на этом этапе я могла одержать верх разве что над гоблином или крысой. А убить меня мог бы любой захудалый бандит, лишенный нормальных доспехов! Потому отправляться в пещеры или руины для их зачистки я не спешила.

Да, кто-то счел бы мой стиль игры слишком странным, чересчур медленным и размеренным... Но в том-то и суть! Я знала, что главные приключения еще впереди. И просто наслаждалась медитативным процессом сбора трав и варки зелий, их продажей и обучением магическому искусству.

Я с сожалением вздохнула. Сначала мне нужен кофе. А

дома он, как назло, закончился. Ну ничего, прогуляться — никогда не лишнее. Особенно для таких, как я, кто зарабатывает, день-деньской сидя за компом.

На улице уже стемнело, и только фонари освещали дорогу. В нос ударил свежий, прохладный воздух. Лето заканчивалось, скоро осень. Моя любимая пора...

Через дорогу, в маленькой кофейне, горел теплый свет. Я улыбнулась, предвкушая ароматный капучино. Дошла до перекрестка, посмотрела по сторонам. Светофор горел зеленым, можно идти.

Я сделала несколько шагов и уже почти достигла середины дороги, когда из-за угла вылетела черная иномарка. Водитель, судя по всему, смотрел не на дорогу, а в телефон. В последний момент он, кажется, увидел меня и попытался затормозить... Но было поздно.

Я помню яркий свет фар, оглушительный звук удара и короткую, ослепительную боль. Потом — темнота. Полная, абсолютная темнота.

Последняя моя мысль была на редкость странной. Интересно, колдунья знала, что ее проклятие сработало совсем не так, как надо?

— Ну и что нам с ней делать? — вздохнул кто-то невидимый в темноте.

— Жалко девчонку, за справедливость боролась, как мог-

ла.

Этот голос принадлежал молодой женщине.

— Вот именно, — хмыкнул мужчина. — Как могла. С колдуньей она попала впросак.

— А с другими — нет, — хмуро парировала женщина.

— Ладно, дай подумать. В это тело ее уже не вернуть, а то еще сочтут каким-нибудь чудом. Изучать будут. И проклятие должно быть исполнено, иначе нарушится баланс.

— Ты это серьезно?! Тебе что, ее смерти мало? Хочешь еще обречь девчонку на несчастную, полную страданий жизнь? Совсем ты очерствел за века существования!

— Да не кипятись ты так. Дай подумать. — На несколько мгновений воцарилась тишина. — Ну хорошо, есть одна лазейка... Недавно сирота погибла, одна из многих. Судьбе ее не позавидуешь. Ее душа не в нашей власти, и что с ней будет, я не знаю. Но этой душе можно отдать ее жизнь. А вот как она ею распорядится...

— То есть фактически условия будут соблюдены, — задумчиво проговорила незнакомка. — А дальше все зависит только от нее самой.

— Верно. Ну как, тебя устроит такой вариант?

Женщина вздохнула.

— Прости, Мария. Но это лучшее, что я могу тебе предложить.

Голоса смолкли, и темнота в моей голове стала абсолютной.

Глава 2. Наследство

Я приходила в себя медленно, будто поднимаясь со дна холодного, темного колодца. Сначала пришел запах — затхлый, тяжелый, пропитанный влагой. Затем — ощущение шершавой ткани под пальцами. Наконец я сумела открыть глаза.

Надо мной висел низкий закопченный потолок. В углу — деревянный, покосившийся от времени, стол, на котором горела тонкая свеча. Свет дрожал, отбрасывая длинные тени на стены — голые, неровные, кое-где треснувшие.

Да, хороший ремонт этому дому точно бы не помешал. К слову... где я?

И вообще... Я что, слышала разговор высших сил?! Кто бы это ни был, они совершенно определенно решали мою судьбу.

Выходит... я и правда умерла?

Попыталась подняться, но тело не слушалось. Оно было чужим — слабым, истощенным. Руки — тонкие, жилистые, с обгрызенными или просто обломанными ногтями. Я осмотрела на них с ужасом, словно это были части незнакомого механизма, приделанного ко мне. На мне была грубая серая рубаха и какая-то жуткая домотканая юбка.

— Эльза... Эльза, милая, ты проснулась! — послышался взволнованный голос.

Я вздрогнула — не думала, что в комнате есть кто-то еще. С трудом повернула голову. С кресла в углу спальни порывисто поднялась женщина лет пятидесяти пяти. Усталое лицо с глубокими морщинами и красными глазами от слез, худая фигура в простом ситцевом платье.

Незнакомка осторожно поправила одеяло, словно боясь причинить мне боль.

— Все будет хорошо, дитя мое, — шептала она. — Ты выкарабкалась... Господь милостив...

Эльза? Какая еще Эльза? И почему она обращается ко мне так, словно знает меня всю жизнь?

В памяти всплыли слова мужчины... кем бы он ни был.

“Недавно сирота погибла, одна из многих”.

“...этой душе можно отдать ее жизнь”.

С пугающей уверенностью я поняла: тело, в котором я очнулась, и впрямь было не моим. В глубине сознания поселилась тяжелая, бесспорная истина: я умерла. И... вернулась к жизни, но теперь уже в чужой оболочке.

Стоило сосредоточиться на имени Эльзы, как в голове медленно, словно обрывки сна, начали всплывать воспоминания.

Смерть матери. Бедность. Голодные зимы. Болезнь — чахотка, как называли ее здесь. Слабые легкие не выдержали очередной стужи. Эльза умерла... а я заняла ее место.

Меня трясло от страха. Я попыталась заговорить, но из горла вырвался только слабый сип. Женщина погладила ме-

ня по голове, словно утешая ребенка.

— Помолчи пока, — тихо попросила она. — Тебе нужно силы беречь. Теперь все будет хорошо.

Я закрыла глаза. Хорошо? Как может быть хорошо, если я оказалась в этом нищем, холодном доме? В теле девушки, которую никто не будет помнить? В ином времени, если судить по фрагментам чужих воспоминаний?

Проклятие сбылось. Жизнь, бедная и бесславная, стала моей реальностью.

И что мне теперь делать?!

Я и подумать не могла, что одним неосторожным разоблачением подпишу себе приговор. Думала, максимум, что меня ждет — гневный поток комментариев от защитниц колдуньи Глафиры. А в итоге... очутилась здесь.

Спасибо хоть, все еще была жива.

Прошло несколько дней.

Восстанавливалась я медленно. Слабость не отпускала, тело отказывалось слушаться. Большую часть времени я лежала в узкой кровати под шерстяным одеялом, слушая, как скрипит старый дом под порывами ветра.

Женщина, представившаяся Марджори, заботилась обо мне, словно я была ее родной дочерью. Приносила горячие отвары и куриный бульон, обтирала меня влажной тряпкой и нашептывала молитвы. Я молчала. Пока что — играла роль

Эльзы, раздумывая, что делать дальше.

На четвертый день после моего пробуждения к дому пришли гости.

На крыльце заскрипели шаги, тяжело скрипнула дверь. Приподнявшись на кровати, я прислушивалась к голосам Марджори и явно немолодого незнакомца.

Скоре в комнату вошел мужчина в темном, сильно поношенном сюртуке, с бумагами в руках. Его сопровождал помощник с кожаной сумкой. Лица у них были серьезные, словно они несли тяжелую весть. Впрочем, в таких деревнях, как эта, новости редко бывали радостными.

— Эльза Рейнольдс? — произнес мужчина, всматриваясь в мое лицо. — Меня зову мистер Гоббс. Я представляю интересы городского совета. У меня есть для вас важное известие.

Он развернул потрепанный лист бумаги и стал читать вслух:

— Ваша тетка, мисс Агата Рейнольдс, скончалась. Согласно ее завещанию, единственной наследницей ее имущества являетесь вы.

Комната будто задрожала вокруг меня. Я приподнялась на локтях, сердце забилося быстрее.

— Имущество? — спросила я с трудом.

Гоббс кивнул.

— Дом в городе Уэстхолл, небольшая земельная доля и несколько старых вещей.

Немного, но по местным меркам это считается добрым состоянием.

Марджори всплеснула руками.

— Агата, упокой ее земля, всегда была странной, но сердце у нее доброе...

Я почти не слышала ее. Все внутри меня словно замерло.

В голове всплыли воспоминания, принадлежащие Эльзе. Никому, кроме Марджори, она была не нужна. А после того, как ее жених, местный красавец Ивор, увлекся дочкой богатого мельника, она и вовсе стала посмешищем всей деревни. В нее тыкали пальцем, шептались за спиной, а Ивор, подлец, еще и похвалялся своим “удачным” выбором на сельских гуляниях.

Но была еще одна причина. Место, в котором я очутилась — не иначе как болотом не назовешь. Здесь все знали друг друга с пеленок, и перспективы были туманными, как осеннее утро. Родилась бедной крестьянкой — умрешь бедной крестьянкой. А мне, даже в теле Эльзы, хотелось чего-то большего.

Нет, в деревне мне делать нечего.

Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, но... Теперь у меня появился дом, а с ним — возможность переехать в город. Туда, где никто не будет смотреть на меня с жалостью. Где не будут шептать за спиной. Где будет больше возможностей, и я смогу начать все заново.

— Где находится Уэстхолл? — хрипло спросила я.

— Она после болезни еще не оправилась, — объяснила Марджори. — Была Эльзочка в Уэстхолле, да видимо, хворь ей память затуманила.

— Это городок на западе в двух днях пути отсюда. — Мистер Гоббс помедлил, словно взвешивая слова. — Конечно, когда родился в деревне, жить там может быть непросто. Но для молодой девушки вроде вас это может стать началом новой жизни.

Новая жизнь. Или хотя бы попытка выбраться из старой, которая мне не принадлежит. Кроме того... Мистер Гоббс ошибался: я очень хорошо знала, что такое — жизнь в городе. Да еще каком...

Я смотрела на дряхлые стены комнаты, испещренные трещинами, на потемневший от времени пол. Я не могу остаться здесь. Не в этом теле, не в этом прошлом, которое не принадлежит мне, но давит тяжестью на грудь.

Я едва успела прийти в себя от прошлых перемен, но пора двигаться дальше. К моей настоящей судьбе... А не к этому жалкому подобию.

Глава 3. Дорога

Ночь перед отъездом я почти не спала. Все внутри сжималось от беспокойства и тревоги. Как будто я стояла на краю обрыва и собиралась прыгнуть в холодную темную воду. Что меня ждет в Уэстхолле?

А еще я вспоминала свою прежнюю жизнь, к которой, вероятно, мне больше не вернуться. Лежала, уставившись в потолок, слушала, как ветер шуршит по щелям, и пыталась разобраться в себе.

Эльза... Это имя не казалось мне теперь чужим. Оно было чем-то вроде маски, которую я вынуждена носить. Или, наоборот, моей скрытой сути. Я знала все детали ее жизни так, словно сама ее прожила. Бедность, одиночество, работа на кухнях да на полях, короткие моменты радости — и длинные годы серости и тоски.

Мне жаль, что судьба распорядилась с Эльзой так сурово. Надеюсь, высшие силы сделают так, что ее страдания не будут напрасны. Что в новой жизни или посмертии она обретет покой... или, может, даже счастье, которого здесь была лишена.

С первыми лучами солнца Марджори начала собирать меня в дорогу. Сложила в старый мешок краюху хлеба, яблоки и тонкий шерстяной плащ. А еще — книги матери Эльзы, нечто вроде энциклопедий о местной фауне. Как я поняла,

сама Эльза ими не интересовалась, но их можно было в случае чего продать.

— Больше мне дать нечего, милая, — сказала она, затягивая мешок старым кожаным ремнем.

Ее глаза снова покраснели. Несчастливая женщина горевала о настоящей Эльзе — той девушке, что умерла в этой постели несколько дней назад. Я стояла, неловко переминаясь с ноги на ногу. Чувствуя вину, которую никак не могла выразить словами. И загладить — тоже.

— Спасибо, Марджори, — прошептала я.

Она обняла меня крепко, как мать, провожающая ребенка в долгий путь.

— Ты сильная. Агата всегда говорила: “Рейнольдс никогда не сдаются”. — Она улыбнулась сквозь слезы. — Найди там свое счастье.

Я кивнула. Горло сжало так, что я едва могла дышать.

Перед дорогой я хорошенько помылась. Добавила в мешок пару мелочей вроде куска мыла или простой деревянной расчески. И впервые решилась на то, чтобы рассмотреть себя в тазу с водой — насколько это возможно.

Прежде этого не делала — позволяла психике окрепнуть. А то мало того, что я очнулась в ином мире, так еще и моя внешность была совершенно другой. Так можно и с ума сойти! А вдруг я еще и уродлива или покрыта оспинами?

К счастью, нет. Но первая реакция была: “Божечки”.

Кожа да кости. Впалые щеки, запавшие глаза... Откор-

мать бы эту Эльзу... То есть себя, конечно. Себя.

Лицо простоватое — вздернутый носик, большие глаза (которые на худом лице смотрелись немного жутковато). Будь на месте острых скул и впадин под ними щечки, я могла бы выглядеть даже симпатичной.

Волосы светло-русые, непонятного блеклого оттенка. Что-то не нравится он мне... Думаю, и в этом мире, застрявшем где-то на уровне Средневековья, найдется что-то, что придаст им и цвет, и блеск.

А значит, невидимый планер в моей голове пополнился еще двумя задачами. Точнее, одной, с множеством подпунктов, включающих и приобретение нормальной одежды. А именно, привести себя в божеский вид.

Путь до Уэстхолла был непростым.

Какие-нибудь экипажи по этой дороге не курсировали, нанять лошадь мне было не на что. Я забрала из дома лишь несколько серебряных монет, которые Эльза бережно хранила в простой деревянной шкатулке.

Невольно на ум пришла любимая игра. Там почти в каждом доме и, уж тем более, в каждой пещере можно было отыскать сундуки с монетами.

Ну что ж... Мой улов определенно был не богат.

Я улыбнулась собственным мыслям. А что, если относиться ко всему как к игре? К приключению? Да, полностью

страх неизвестности (и особенно — шок от свалившихся на меня перемен) это не прогонит. Но приглушит.

Шла я пешком, закинув мешок за спину. Шаг за шагом, по растрескавшейся дороге, вдоль полей, где чахлая трава шуршала на ветру.

Селения встречались редко. Люди смотрели на меня настороженно: одинокая девушка, худая, с глазами, познавшими явно непростую жизнь. Иногда кто-то давал мне краюху хлеба или кружку воды — то ли из жалости, то ли из доброты.

Я старалась идти быстро, но усталость накатывала, как волны. В первую ночь мне удалось вовремя очутиться в небольшой деревне, где был постоянный двор. Но на вторую везение меня покинуло. Останавливаться на ночлег прямо на краю дороги было страшно. Вряд ли хоть один подобный мир обходился без бандитов и разбойников.

Заходить в чащу леса я тоже не рисковала — кто знает, как много там дикого зверья. Потому приходилось выбирать нечто среднее. Окончательно обессилив, я устроилась у дерева в небольшой роще. Закуталась в шерстяной плащ и смежила отяжелевшие веки.

Засыпала я долго, прислушиваясь к далеким крикам ночных птиц, завываниям ветра и шелесту листвы. Вздрагивала, когда уши улавливали какой-нибудь подозрительный шорох.

В такие моменты особенно остро чувствовалось, что старая жизнь осталась где-то позади. Но и новому миру я пока

еще не принадлежала — потому что толком ничего не знала о нем. Даже Эльза мало что знала о мире за пределами родной деревушки.

Я как будто застряла где-то между двумя реальностями. И была кем-то между. Ни Марией. Ни Эльзой.

Просто девушкой, упрямо идущей вперед.

На третий день, к полудню, я наконец увидела Уэстхолл: городок, окруженный утесами и лесами. Благодаря подсказкам мистера Гоббса и скромной карте, которую его помощник нарисовал для меня, я подошла к городу с нужной стороны. Минуя главные улицы, попала на его окраину. Миновала холм — один из ориентиров, и почти сразу за ним увидела дом Агаты.

Мой дом.

Когда я подошла ближе, сердце у меня сжалось. Остановилась, сжимая ремешки мешка в руках так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Дом стоял на самом краю деревни, почти утопая в зарослях колючего кустарника. Крыша была покрыта черными пятнами плесени, кое-где черепица осыпалась, обнажив серые, трухлявые доски. Окна — пустые, как глазницы — смотрели на меня безучастно. Казалось, дом дышит сыростью и одиночеством.

Вот тебе и “дом, милый дом”.

Но, каким бы он ни был, это новый рубеж. И, возможно, новый шанс.

Вскинув голову, я сделала шаг вперед.

Глава 4. Обустройство

Я толкнула скрипучую дверь плечом. Она поддалась с тяжелым, протяжным стоном, словно сопротивляясь моему приходу.

В доме пахло затхлостью, сыростью и медленно разлагающейся старой древесиной. Воздух был густым, спертый, с привкусом плесени и заброшенности.

Внутри царила полутьма. В углу виднелась старая печь, покрытая сеткой трещин. Казалось, она остыла уже давным-давно и разучилась греть еду или чьи-то руки. Рядом валялись стулья, чьи ножки были изгрызены временем. И, возможно, крысами.

На полу невидимой рукой был наметен толстый слой пыли, скрывающей доски. Паутина свисала с потолка грязными лоскутами, цепляясь за пустые балки, как будто сама природа пыталась запечатать это место в забвении.

Я сделала несколько осторожных шагов. Каждый шаг отзывался глухим эхом под сводами дома, и казалось, что весь дом слушает меня — чужачку, посмевавшую войти. Половицы скрипели под ногами, будто жалуясь на мое вторжение.

Дом был пустым, темным и холодным, как заброшенный склеп или каменное подземелье. Лишь сквозь треснувшие оконные стекла пробивались узкие, пыльные полосы света, которые не приносили тепла, только подчеркивали забро-

шенность этого места. Затхлый воздух лип к лицу, будто живой, и хотелось броситься назад и оказаться как можно дальше от этих стен.

Почему дом Агаты выглядел настолько покинутым? Разве она не умерла совсем недавно? Мистер Гоббс ничего не говорил о том, что она могла жить в каком-то другом месте. Но разве можно было жить... здесь? Среди паутины, пыли и холода? Да я и не видела вокруг ни следа жизни, ни следа бывшего присутствия человека.

Что-то здесь не так...

На сердце было тягостно. Казалось, что стены, безмолвные свидетели чужой жизни, смотрят на меня. Даже... оценивают меня. В голове промелькнула неприятная, жгучая мысль: может, я зря пришла сюда? Может, это место само хочет остаться забытым?

Но выбора у меня не было.

Засучив рукава, я принялась за дело. Бегло изучив доставшийся приусадебный участок, наткнулась на нечто вроде сарая. Отыскала там полусгнившее деревянное ведро. С ним в руках подошла к старому колодцу, находящемуся тут же, на моей земле. Вода в нем оказалась мутной, пахнувшей железом и гнилой листвой, но выбирать было не из чего. Я наполнила ведро и вернулась в дом.

Работа началась.

Вернувшись в дом, я начала отмывать пол от вековой грязи. Занятие это было непростым. Тряпка моментально стано-

вилась черной, вода в ведре густела и воняла болотом. Пыль вздымалась в воздухе, оседая на лицо, щипала глаза. Я чихала, кашляла, но продолжала.

Грязь въелась в дерево так глубоко, что казалось, ее не отмыть вовеки. Каждый взмах тряпкой был борьбой — не только с пылью, но и с гнетущим чувством чуждости, давившим на грудь. Казалось, сам дом сопротивлялся, не желая, чтобы я здесь находилась. Доски под ногами жалобно скрипели, иногда громко трещали, как будто предвещая беду. Тени в углах шевелились, когда я проходила мимо. Я старалась не смотреть на них.

Когда я наконец закончила, за окном уже сгущались сумерки.

Я скинула на пол свой потертый плащ, опустилась на него и устало уставилась в окно. Тусклый свет закатного солнца окрашивал все вокруг в ржаво-красные тона. В этом свете все вокруг казалось мертвым и безнадежным.

И все же было что-то еще — неуловимое, но настойчивое. Ощущение, будто за мной наблюдают. Не соседи, не случайные прохожие. А сам дом. Или... сама земля.

Что бы ни пряталось в этом доме, оно не хотело видеть меня здесь.

Я решила выйти на улицу. Предлог — получше рассмотреть, что представлял собой обещанный мне участок земли. Истинная причина — уйти подальше от этих давящих стен.

И как, скажите на милость, мне здесь жить?!

Тропу, ведущую за дом, почти полностью поглотила дикая природа. Колючие кусты цеплялись за одежду, сухая трава хрустела под ногами. Земля была твердой, потрескавшейся. Я шла, с трудом продираясь вперед, пока наконец не вышла на небольшое открытое пространство.

Огородом это назвать можно было только с очень большой натяжкой.

Большая часть земли там казалась мертвой. Ни одной травинки, ни одного зеленого побега. Только плотная, серая, словно выжженная почва.

Но в дальнем его краю колосились растения, которые сразу же привлекли мое внимание. Первым в глаза бросился куст с листьями, напоминающими резные кружева ярко-малинового цвета. Листья переливались на солнце, как драгоценные камни, а на кончиках стеблей висели крошечные, почти прозрачные колокольчики.

Неподалеку, в тени старой яблони, тянулись вверх тонкие стебли с листьями, напоминающими раскрытый веер. Сами листья были изумрудно-зелеными, а вокруг них, словно ожерелья, располагались бутоны, похожие на маленькие светящиеся шарики. А рядом, в тенистом уголке, рос куст с широкими, бархатистыми листьями глубокого синего цвета, на которых, словно жемчужины, мерцали капли росы.

Словно замороженная, я медленно опустилась на колени. Холод земли проник сквозь тонкую ткань платья, но меня это не беспокоило. Какое-то странное чувство тянуло меня

к этой земле. Возможно, это чувство принадлежало не мне, а... Эльзе.

Подчиняясь ему, я провела рукой по почве. В тот же миг сквозь меня прошел болезненный импульс. Острая, жгучая боль пронзила ладонь, будто я коснулась раскаленного металла или плесени, разъедающей плоть.

Я вскрикнула и резко отдернула руку. Но боль продолжала пульсировать, будто яд уже проник глубже, в самую плоть. Кожа на ладони покрылась пятнами — сперва алыми, потом стремительно темнеющими до багрово-черного.

Там, где я коснулась земли, она словно шевельнулась — медленно, вязко, как поверхность болотной трясины. На миг мне показалось, что земля дышит.

Меня охватила паника. Я попятилась, спотыкаясь, пока не уперлась спиной в низкий каменный забор, который раньше служил границей участка. Сердце колотилось в горле, руки дрожали. Раненую ладонь я прижала к груди.

Что это?

Что случилось с этим местом?

Проклятие ведьмы? Или нечто более древнее, спрятанное здесь веками? Последствия того, что случилось с тетей? Или наоборот, то, что к ее смерти и привело?

Я не знала. Но знала одно: мой дом и вся эта земля были не просто заброшены.

Они были осквернены.

И теперь это место — и это проклятие — принадлежало

МНЧ.

Глава 5. Лекарь

Рука горела адской болью.

Сидя у печи, я аккуратно перемотала ее обрывком чистой ткани, найденной в одном из сундуков. Это мало помогло. Кожа под тряпкой пульсировала, напоминая о себе с каждым ударом сердца.

Такой ожог — чем бы он ни был вызван — сам собой не заживет. Но сейчас, поздним вечером, я ничего не смогу с этим сделать.

Была еще одна проблема: дом промерз насквозь. Воздух внутри был холодным и сыроватым, как в подвале. И теперь, когда солнце скрылось, это ощущалось особенно остро.

Итак, я отправилась искать, чем бы разжечь печь.

В дальнем углу кухни, за старым сундуком, я нашла охапку высохших веток, несколько полениц дров, черных от времени, и сложенные на полке куски бересты. Все это было покрыто толстым слоем пыли. Я чихнула, но вцепилась в находку, как в сокровище.

Возле печи стояла старенькая кочерга, чуть погнутая, и железная лопатка для углей. Там же валялся маленький кремь в кожаном мешочке — повезло. Спички мне здесь, увы, никто бы не продал.

Я опустилась на колени перед печью. Разложила бересту, сверху покрыла ее мелкими веточками. Сжала зубы от боли

в руке и от волнения и попыталась высечь искру.

Первый удар камня о стальной наконечник ножа оказался слабым. Искра едва вспыхнула и тут же умерла.

Второй удар был получше — крошечная искорка упала на бересту и зашипела. Я судорожно подула на нее и к своему собственному удивлению услышала шорох пламени. Спасибо фильмам, я хотя бы в общих чертах знала, что нужно делать.

Маленький огонек жадно схватился за сухую кору и потянулся вверх. Трясущимися руками я подбросила несколько веточек. Огонь затрепетал, окреп. Дым пошел в трубу ленивыми клубами.

Я облегченно выдохнула. Однако радоваться было рано.

Когда я сунула первые поленья, огонь зашипел. И... это было совсем не радующее слух шипение. Дрова оказались старыми, сырыми внутри. Я с трудом расколола их кочергой. Выбрала те, что были посуше, и принялась потихоньку подкармливать пока еще маленькое пламя.

Часа через два печь наконец заработала как надо. Тепло поползло по комнате, оседая в углах, выгоняя из щелей сырость и холод. Я села у печи, держа обожженную руку подальше от огня, и наконец позволила себе немного расслабиться.

Глаза уже слипались. Надо было найти место для сна.

В дальней комнате обнаружилась спальня тети. Дверь закрипела, когда я ее открыла. Внутри было сумрачно и сыро,

пыль клубилась в воздухе от каждого моего шага.

Старый шкаф с полуоткрытой дверцей, большая кровать, полувыцветший ковер. Однако даже если тетя умерла не здесь, мысль спать на ее кровати казалась неправильной, почти кощунственной. Да и холод стоял такой, что зубы начинали стучать от одного только взгляда на матрас.

Я вернулась на кухню. Разложила на полу свой плащ, подтянула его поближе к печи. Легла, укутавшись с головой и вытянув ноги к огню.

Пламя плясало в каминной топке, отбрасывая тени на стены. Я смотрела, как они шевелятся, и впервые за весь этот долгий день почувствовала слабое подобие уюта. Может быть, это и немного, но у меня хотя бы были крыша над головой и тепло.

И все равно эта ночь была одна из самых длинных в моей новой жизни. В голове без конца крутились вопросы. Рана постоянно давала знать о себе. Каждый вдох отдавался пульсацией где-то в глубине ладони.

Но сквозь усталость, боль в руке и холод я все-таки провалилась в сон.

Проснулась я от холода. Огонь в печи погас, оставив после себя только тлеющие угли, от которых исходил слабый, едва ощутимый жар. Серое утро заглядывало в окна, заливая комнату блеклым, туманным светом.

Я села, кутаясь в плащ, и медленно размяла затекшие от сна на полу конечности.

Обожженная рука ныла тупой болью. Я осторожно разматала “бинт”. Кожа под ним стала темной, местами вздулась и покрылась неприятными пузырями. Больно было даже шевелить пальцами.

Да уж, долго я так не протяну. Нужно искать помощь.

Я снова наспех обмотала руку куском холщовой тряпки, который оторвала от старой простыни в спальне тети. Перекинув плащ через плечо, вышла на улицу.

Холодное утреннее небо было затянуто серыми облаками. Воздух почему-то пах мокрой землей и... гнилью.

Я оглянулась на дом — покосившийся, темный, неприветливый. Сердце неприятно сжалось, но я тряхнула головой и зашагала по тропке к дороге.

Город, к которому вела узкая, разбитая дорога, был куда больше родной деревушки Эльзы. Меня встретили каменные стены, кое-где зарастающие мхом, и узкие улочки, мощенные неровным булыжником. Домики с крутыми крышами теснились друг к другу, будто пытались укрыться от ветра.

Здания здесь были двух- и даже трехэтажными, а вдоль улиц висели вывески. Я могла воспользоваться услугами кузнецов, сапожников и многочисленных торговцев. На улицах былолюдно: женщины в простых передниках торговали овощами с тележек, дети гоняли мяч из тряпья, стайки мужчин

спорили у таверны.

Я шла медленно, пряча обожженную руку под плащом. Пару раз прохожие бросали на меня косые взгляды — подозрительные, оценивающие. В этом мире одиночке в дорожной одежде доверия не было. Мне пришлось спросить дорогу несколько раз, прежде чем меня направили к дому лекаря. Тот находился чуть в стороне от главной улицы, за небольшим фонтаном.

Поднявшись на крыльцо, я постучалась. Ответа не было долго. Я уже подумала, что придется искать кого-то другого, но дверь наконец распахнулась.

На пороге стоял молодой мужчина. Высокий, темноволосый, с пронизательными зелеными глазами.

— Я же кричал вам, чтобы вы зашли! — с ноткой недовольства сказал он.

Рассмотрев меня, медленно вскинул бровь и оперся плечом о дверной косяк, сложив руки на груди. Его движения были ленивыми, как у хищника, которому лень разбирать свою добычу. На нем был дублет, сшитый из плотной ткани глубокого темно-синего цвета. Фасон был простым, без вычурной отделки, но хорошо сидел по фигуре, подчеркивая ее стройность. Под дублетом — рубашка цвета слоновой кости и прямого покроя штаны им в тон.

И вроде бы ткани простые, никакого тебе шелка, но образ получался элегантным. Добавить к этому ухоженные руки, благородные черты лица и осанку, а с ней и особую статью,

и складывалось впечатление, что передо мной — какой-нибудь знатный господин или хотя бы известный столичный врач, а не лекарь из городка в глуши.

Когда лекарь открывал дверь, во взгляде его плескалась скука. Однако при виде меня он чуть оживился. И... наморщил нос, увидев мою одежду — чистую, но бедную. Всего лишь на мгновение, но от меня это не укрылось.

Вот же сноб!

— Я не видел вас раньше в Уэстхолле, — заметил он.

Я нахмурилась. Разве подобные светские разговоры не принято заводить уже после оказания помощи? Или хотя бы во время нее?

— Недавно приехала, — лаконично отозвалась я.

— Хм. Свежая кровь...

— Что, простите?!

— Ничего-ничего. Так... что вам нужно? — спросил лекарь без особого интереса.

Казалось, я отвлекаю его от каких-то куда более важных дел.

— Мне нужна ваша помощь. С рукой. Я... обожглась.

Лекарь чуть заметно вздохнул — устало, почти раздраженно. Как человек, которому снова поручили скучное дело, в то время как мир призывает к великим свершениям.

Миленько.

— Заходите, — бросил он через плечо.

Развернулся и направился вглубь дома, даже не дожидаясь

меня.

Глава 6. Сюрпризы

Изнутри здание мало походило на прибежище лекаря — во всяком случае то, которое я успела нарисовать в своей голове. С прихожей я попала в нечто вроде просторной гостиной. Никаких полок с зельями, мешочков с травами или пузырьков. Только гладкий, идеально чистый стол, несколько кресел и высокая витрина с книгами. Все — в потертых кожаных переплетах.

Но затем я увидела это.

Оно сидело на высокой спинке кресла, устремив на меня свои немигающие, пронзительно-желтые глаза. Это была большая, черт возьми, сова! Сипуха, кажется... С оперением цвета старой пыли и таким серьезным видом, будто только что закончила читать лекцию по философии.

И ладно бы это была просто сова. Мало ли каких необычных животных мог завести себе явно не самый обычный лекарь Уэстхолла. Но на ее переносице красовалось... пенсне! Маленькое, золотое пенсне, которое сова только что поправила крылом. Крылом! Да это же бред какой-то!

Я моргнула, желая убедиться, что это не галлюцинация. Может, я перегрелась на солнце? Или яд через рану на руке попал мне в мозг? Но сова осталась на месте, все так же пристально разглядывая меня.

И тут она заговорила.

— Не стоит так смотреть, мисс. Это невежливо.

Голос у совы был низкий, скрипучий, как у старого библиотекаря. И... мужской. Точно, совы ведь могут быть самцами. А тон такой, словно сова всю жизнь проработала дворецким у королевы. Или проработал?

Я открыла рот, силясь что-то сказать, но из меня вырвался только какой-то нечленораздельный звук.

По правде говоря, до недавних пор я считала себя человеком рациональным. Все же профессия обязывает. Я предпочитала факты, логику и доказательства, а не какие-то там домыслы и богатое воображение. И уж точно — никаких суеверий, гадалок и перемещений в другой мир вместо посмертия.

И уж тем более, никаких говорящих сов в пенсне.

Но вот я стою в доме лекаря и вижу это. Сова, то есть “это” вздохнула, поправила пенсне и произнесла:

— Теодор, может, ты объяснишь своей гостье, что здесь происходит? А то я боюсь, у нее сейчас случится припадок.

Я посмотрела на лекаря, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение происходящему. Но в его глазах читалось лишь удивление по поводу моей реакции. Кажется, для него говорящие совы в пенсне — обычное дело.

— Вы что, никогда не видели фамильяров?

— А должна была? — вырвалось у меня.

Видимо, да.

— Я росла в деревне, — быстро сориентировавшись, ска-

зала я.

— И что, у вас там не было ни одной ведьмы? — удивился Теодор.

Словно подстегнутая его вопросом, в глубинах моей памяти всплыли воспоминания, принадлежащие Эльзе. Точно, была. Седовласая, черноглазая, немного жутковатая на вид. И, по классике жанра (то есть прочитанных мной фэнтезийных книг), фамильяром ей служил черный кот.

Сколько Эльза его помнила, он вечно ворчал по поводу отсутствия достойных собеседников, вкусной еды и, конечно же, достаточного количества внимания к его персоне. При этом он обожал свою ведьму и готов был защищать ее от любой опасности.

Я с вызовом уставилась на лекаря. Мой взгляд красноречиво говорил: “Может, мы наконец перейдем к делу?” Рука пульсировала так, что отдавалось в кости.

К счастью, улавливать чужие взгляды лекарь умел.

— В общем, я Теодор, а это — Бенедикт.

Ну конечно, разве у этих двоих могли быть какие-то простые мещанские имена?

— Мари... Эльза, — в последний момент поправились я.

Все же мне придется играть в Уэстхолле роль племянницы Агаты. Вдруг я встречу здесь тех, кто когда-то ее знал? Будет странно, если остальные жители будут знать меня под другим именем.

Лекарь коротко кивнул, как будто запоминая что-то для

себя.

— Ну что ж, Мари Эльза, приятно познакомиться.

Я неверяще хмыкнула. Я что, только что нечаянно объединила наши с Эльзой имена? Вот только выглядела я как обыкновенная крестьянка. Вряд ли им дают двойные имена. Оттого и легкое удивление в голосе Теодора.

Он попросил меня сесть в кресло, а сам опустился на табурет напротив. Бережно взял мою руку и начал разматывать ткань. Когда самодельный бинт упал на пол, Теодор принялся внимательно рассматривать мой ожог.

Я вздрогнула. Его пальцы были удивительно прохладными, но прикосновение — почти... нежным. Осторожным, как будто он держал в руках не обожженную руку крестьянки, а нечто бесценное.

— Это не обычный ожог, — пробормотал он. — Как это произошло?

— Я коснулась земли на участке моей тети, — отозвалась я. Врать не было смысла. — Кажется... земля там больна. С ней что-то неладно.

Теодор поднял глаза на меня. В его взгляде промелькнула тень интереса.

— Больна? Что вы име?..

— Теодор, долго ты будешь мучить несчастную девушку? — строгим голосом перебил его Бенедикт. — Ей же больно.

Я кивнула. Удовлетворить любопытство Теодора я смогу и позже. Или, опять же, в процессе. Все равно наложение

мази и перевязка потребуют какое-то время.

Ну... Так-то оно так, да вот только до мази и новых бинтов дело не дошло. Подавшись ко мне так близко, что я невольно задержала дыхание, Теодор простер руку над моей раной.

Его пальцы описали в воздухе короткие, резкие знаки, словно он рисовал что-то невидимым мелом на воздушной доске. Вслед за ними проступил свет — нежный, серебристый, будто вода в лунную ночь.

Сначала приятное, мягкое тепло зародилось где-то чуть повыше ожога, а потом разлилось до кончиков пальцев. Проникало под кожу, вглубь, туда, где гнезился яд. Я чувствовала, как боль испаряется, тает, оставляя после себя странную легкость.

Я изумленно подняла глаза на Теодора... и не смогла отвести взгляда от его лица. В этот момент он был совершенно другим. Ленисть, вальяжность и равнодушие уступили хмурым сосредоточенности. Черты обострились.

Через несколько минут Теодор отпустил мою руку. Кожа на ней была чистой, словно ожога там не было никогда.

— Готово, — сказал он.

В голосе снова появилась ленца и небрежность, словно исцеление стоило ему лишь легкого усилия. Он встал, отряхнул ладони, будто стряхивая с них пыль.

— Спасибо, — выдохнула я, еще не до конца доверяя своим ощущениям.

Боли не было. Совсем.

Теодор пожал плечами, будто моя благодарность была ему не особенно нужна.

На миг в комнате повисло молчание. В моей памяти замелькали воспоминания Эльзы. У нее был один-единственный друг, Тревор. Сын пекаря, в котором однажды проснулся целительный дар. Он мечтал помогать людям, спасать жизни. Поэтому и уехал в столицу, надеясь отучиться там — без должных знаний и документов его бы никто не допустил до работы с людьми.

Его отъезд разбил Эльзе сердце.

— Вы — целитель, а не лекарь, — выдохнула я. — Вы учились в столице?

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Да. Академия Высших Магических Искусств.

Это название было Эльзе хорошо знакомо. Тревор и не думал о том, чтобы попасть туда. Для сына пекаря, даже самого одаренного, это было попросту невозможно.

— Но для этого ведь нужны огромные деньги! — вырвалось у меня.

Потому что учились там лишь отпрыски знати. Я поморщилась. Не самое приятное чувство, когда за тебя как будто говорит кто-то другой. Не Эльза, конечно, но ее память, ее... дух.

— Правда? — рассеянно спросил Теодор.

Теперь бровь вскидывала уже я. Бенедикт откашлялся. Теодор быстро взглянул в мою сторону. На несколько секунд

его лицо стало совершенно неподвижным. Как у человека, которого поймали на лжи... или, наоборот, правде, которую он не хотел открывать никому.

Кто же ты такой, лекарь Теодор? И что ты скрываешь?

Глава 7. Проклятая земля

Теодор без особого интереса убирал с стола пустую чашку. Я воспользовалась воцарившейся тишиной, чтобы спросить:

— Ты сказал, что ожог необычный, — начала я осторожно. — Что это значит? Что не так с землей на моем участке?

Лекарь поднял на меня глаза. Его взгляд был задумчивым, словно он решал, стоит ли говорить мне правду.

— Магия, — коротко ответил он. Неохотно добавил: — Точнее, судя по всему, прОклятые чары. Твоя земля заражена, отравлена.

Он говорил без эмоций, почти равнодушно, как хирург о гангрене. Как будто земля, пропитанная ядом, была здесь в порядке вещей.

Очень надеюсь, что нет. Иначе мир, в который я угодила, еще более опасен, чем мне показалось прежде.

— Как? И... почему?.

Порывисто поднявшись, я сделала шаг вперед. Внутри разгорался знакомый огонь. Тот, что побуждал меня часами копать в чужих грязных секретах. Не ради своего удовольствия, нет. Чтобы вывести обманщиков, мошенников и шарлатанов на чистую воду.

Желание докопаться до сути и неумное любопытство было со мной столько, сколько я себя помню. И не угасло после

смерти и перехода в другой мир. Наоборот... Здешние секреты казались еще более интригующими и манящими. Возможно, потому, что были связаны с магией и колдовством.

Тем, что в родном мире я как раз таки и считала шарлатанством.

Теодор опустил взгляд, задумчиво изучая свои ладони, как будто что-то прикидывал в уме.

— Этого я не знаю, — наконец ответил он.

Хм. Станный ответ для того, кто так долго раздумывал над вопросом. Сдается мне, он знает больше, чем говорит.

— Ты ведь умеешь творить заклятия истины?

И снова эти слова буквально вырвались из меня. Голос принадлежал мне, а вот мысли — Эльзе.

Теодор насмешливо усмехнулся.

— Конечно. Как и любой выпускник Академии. Что, хочешь проверить, не обманывает ли тебя твой благоверный, не поглядывает ли на других?

Я проигнорировала его издевку. Очень надеюсь, что остроумной ее Теодор не считал. Иначе у меня возникнут вопросы к его... уму.

— Я хочу, чтобы ты помог мне разобраться с моей землей, — твердо сказала я. — Хочу, чтобы ты использовал чары истины и помог мне понять, что с ней случилось на самом деле.

Теодор вздохнул.

— Даже не знаю. Я так занят...

Я подчеркнуто медленно повертела головой по сторонам.

— Что-то не вижу тут толпу людей, ожидающих лечения.

— Еще бы, — пробурчал лекарь. — Понапокупают зелий в столице, а я сиди без работы.

— Как будто ты против, — хмыкнул... эм-м... сов, по-прежнему сидящий на спинке кресла.

— Цыц, болтливая птица!

— Я не какая-то там птица, а твой верный компаньон, — с достоинством отозвался Бенедикт.

Теодор лишь покачал головой. Скрестив руки на груди, молча смотрел на меня несколько секунд.

— Это будет стоить денег, — наконец неохотно сказал он.

Тон был такой, будто он ожидал, что я сейчас же отступлюсь. Ну конечно, я же выглядела почти как оборванка.

Но я не могла жить в доме, который стоял на ядовитой земле. Я должна была понять, что с этим делать. А так как терять мне нечего, я готова заплатить из скромных сбережений Эльзы. Уж какую-никакую работу найти себе я сумею.

Найду, чем себя прокормить.

— Я заплачу, — ответила я.

Теодор как-то сник. Кажется, деньги не особенно его интересовали. Они лишь повод заставить меня передумать.

— Может быть, на следующей неделе...

— Теодор, во имя всех святых, помоги девушке! — нахохлился Бенедикт. — Разве ты можешь остаться равнодушным, когда?..

— Ой, помолчи.

— Не грубите, молодой человек, — поправив пенсне, неодобрительно сказал сов. — Где ваши манеры? Растеряли по дороге сюда?

Теодор проворчал что-то неразборчивое. Особенно пристыженным и смущенным он не казался.

К слову... сюда это куда? Неужели мне не показалось, и Уэстхолл, этот провинциальный город, не был для него родным? Но зачем приезжать куда-то, где почти нет работы?

Все интереснее и интереснее...

— Ну хорошо, — с видом мученика, отправленного на каторгу, наконец решился он. — Я тебе помогу.

Мы с Теодором направились к дому Агаты Рейнольдс. Я была уверена, что Бенедикт вызовется нас сопровождать, но нет. Он вспорхнул на крепкую жердь у окна и принялся наблюдать за прохожими.

Дорога до дома прошла в молчании. Теодор не спешил спрашивать меня о том, откуда я прибыла и с какой целью. Лишь лениво покручивал в пальцах какой-то амулет и задумчиво смотрел вдаль.

Я подвела его к участку земли, который и стал причиной моего ожога. Теодор сунул руки в карманы и неспешно оглядел землю, будто оценивая старую, скрипучую мебель.

— Какие странные растения. Впервые такие вижу, — за-

метил он.

Присел на корточки, простер ладонь над землей, не касаясь ее, и закрыл глаза.

Я наблюдала, затаив дыхание. Из губ Теодора вырвался негромкий шепот на непонятном языке. Воздух над землей дрогнул — едва заметно, будто на миг стал гуще.

Через несколько минут он поднялся.

— Ну что ж, — сказал он, отряхивая ладони, — поздравляю. На земле наложено целых три заклинания.

Я удивленно вскинула брови.

— Какие?

— Во-первых, чары скоророста. Они заставляют все, что посажено, расти в разы быстрее.

— Я догадалась по названию, — сухо сказала я.

Он что, совсем меня дурочкой считает? И вообще, я играла в симуляторы фермы — когда очень надо было разгрузить мозг.

— Во-вторых — чары плодородия. Повышают урожайность.

Я послала Теодору красноречивый взгляд. Он кашлянул в кулак.

— Ну да... Ты, наверное, это поняла.

Я фыркнула. В голову вдруг пришло совсем иное осознание: как вышло, что я так легко приняла существование самой настоящей магии? Сначала исцеление моей руки Теодором, затем чары истины, которые он применил... Да даже

чары, наложенные на землю!

В другое время я стояла бы, разинув от изумления рот, и не сразу оправилась бы от потрясения. Или после Бенедикта меня уже никакое проявление магии не способно ввергнуть в шок?

— Ну а в третьих... ядовитая скверна. Проказа земли. Магия, отравляющая почву. — Теодор говорил спокойно и деловито, словно врач, зачитывающий неутешительный диагноз. — Не знаю, как эти растения смогли выжить... Но я чувствую в них магию. Природную магию. Возможно, она и защищает их от любых вредоносных воздействий.

Я кусала губы, чувствуя, как холодок ползет по позвоночнику. Вдруг вспомнились слова мистера Гоббса, сказанные им Марджори. "Мисс Рейнольдс умерла от странной болезни. Никто не мог понять, что с ней случилось".

Что, если...

— Что, если это как-то связано со смертью моей тети? — спросила я вслух.

Теодор воззрился на меня.

— Твоя тетя умерла? Прими мои соболезнования.

Я рассеянно кивнула.

— Спасибо. Но я почти ее не знала.

И Эльза, как ни странно, — тоже.

Теодор задумчиво потер подбородок.

— Что до твоего вопроса... вполне возможно. Если долго жить на зараженной земле, можно получить все, что угодно:

от истощения до порчи крови. Но ко мне с подобными хвоями никто не обращался.

— Но зачем кому-то отравлять землю?

— Вопрос правильный. Но ты уверена, что хочешь это узнать? Ответ тебе может не понравиться.

— Хочу, — твердо сказала я. — Мне нужно знать, что случилось с этой землей. С моей землей. И с моей тетей.

Что, если кто-то целенаправленно отравил землю? И продолжал жить здесь, в Уэстхолле?

Теодор чуть склонил голову на бок, с интересом разглядывая меня.

— Ты уверена? Может, тебе лучше оставить это? Люди здесь живут по принципу: не трогай тьму — и она не тронет тебя.

Я фыркнула. В груди поднималась волна знакомого упрямства. Того самого, что толкало меня когда-то лезть в самые темные истории. И вытаскивать их на свет.

— Проблема в том, что я никогда не умела спокойно сидеть на месте, если что-то шевелится в темноте.

Теодор взглянул на меня пристально, будто взвешивая мои слова. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на... уважение? Что, теперь ты не считаешь меня такой уж простой?

— Ты странная для здешних мест, — сказал он с легкой ноткой одобрения.

— А ты странный для лекаря, — парировала я.

На губах Теодора мелькнула улыбка. Настоящая, искренняя, далекая от ленивого снисхождения.

— Возможно, — сказал он. — Но у странных людей бывают очень интересные судьбы. Но раз ты решила... Придется копнуть глубже. Гораздо глубже. Вот что... Приходи ко мне завтра в лечебницу, я принесу из дома одну книгу о проклятиях. Может, ты что-нибудь в ней найдешь.

На этом мы распрощались. Теодор отправился к себе, ну а я...

А я осталась в одиночестве. Рядом с домом, в котором царило запустение. Посреди проклятой земли.

Глава 8. Ядовитая правда

Солнце стояло в зените, но даже при этом огород Агаты оставался странно мрачным. Будто тень чего-то большого и незримого нависала здесь всегда, независимо от времени суток. Воздух был тяжелым и запахи, витающие в нем, снова навели меня на мысль о болоте.

Здесь не было ни одного жука, ни одной птицы, ни даже сорной травы. Только эта чересчур ровная, плотная, серая земля. И странные растения, которых не узнал даже Теодор.

Я стояла, задумчиво глядя на землю. Лекарь говорил, что на нее (во всяком случае, на этот клочок) наложены чары “скоророста” и “плодородия”. Выходит, если бы не проказа, эти земли приносили бы хороший урожай.

Вот бы был способ ее исцелить...

Внутри что-то щелкнуло. Я охнула, отшатываясь назад. Едва удержала равновесие и импульсивное желание упасть на колени и зажмурить глаза. Вместо этого стиснула руками голову, в которой замелькал поток видений.

И я провалилась в чужую память.

...Я находилась в том самом доме, в котором впервые очунулась в своей новой жизни. Глядя на себя со стороны, я видела девочку лет шести или семи, с растрепанными волосами и глазами, в которых почему-то затаился страх.

Еще там была женщина, очень похожая на меня... Точнее,

конечно, на Эльзу. Высокая, светловолосая и неестественно худая. Вероятно, мама Эльзы. Она склонилась над утнувшим в кресле стариком — бледным, почти прозрачным, с трясущимися руками. Держала его за плечи, шептала какие-то слова. Не то заклинание, не то молитву...

От ее ладоней исходил мягкий свет. Он впитывался в тело болезненного старика. Я чувствовала — с каждой каплей силы, что она отдавала, дух старика креп, а ее собственное дыхание становилось слабее.

С губ девочки сорвался отчаянный крик:

— Мама, хватит! Хватит!

Женщина устало улыбнулась.

— Это правильно, Эльза. Если я могу помочь — я должна.

...Картинка перед глазами рассеялась, и я вернулась в свое тело. Сердце бешено колотилось.

Детство Эльзы, ее мать...

Она была целительницей, как Теодор. Отдавала себя без остатка ради других. И погибла именно из-за этого. Сгорела, как свеча, стараясь осветить путь другим.

Эльза ненавидела эту жертвенность. В сердцах кляла мать за то, что та выбрала других, а ее оставила сиротой. Поэтому и бежала от магии. Поэтому и хотела быть обычной, “нормальной”.

Но, как бы Эльзе ни хотелось иного, она тоже была ведьмой. Не той, что исцеляет людей, а той, что тонко чувствует окружающий мир. Ее дар был связан не с заклинаниями и

амулетами, а с той силой, что текла через землю, корни, листья. Она была частью всего живого — и неживого тоже.

Эльза была природной ведьмой.

Я стояла посреди отравленной земли, зажимая рот ладонью. Открытие пульсировало в голове, словно щека от хлесткой пощечины. Я, Мари Эльза, — ведьма.

Вот это да...

Но прежде, чем погрузиться в этот омут, я решила разобратся с вещами более... практичными. Я хотела понять, что именно выращивала Агата у себя на огороде.

В старом сарае я отыскала толстые перчатки и садовые ножницы. В пыльной теплоте дня срезала веточки и листья со всех растений, которые смогла здесь обнаружить. Заметила одно, которое раньше упустила. Оно выглядело так же непривычно и даже неправильно. Листья слишком плотные, темно-зеленые, с фиолетовыми прожилками.

Завернула свои богатства в отрез ткани и принесла в дом.

Всю вторую половину дня я просидела за старыми книгами, которые Марджори убедила взять с собой. Перелистывая ветхие, желтоватые страницы, я одновременно считывала воспоминания Эльзы. Всю свою юность она старалась держаться как можно дальше и от этих книг, хотя ни о чем магическом они не рассказывали. Лишь о растениях, растущих по всему миру.

Так мне, во всяком случае, казалось поначалу.

Сухие страницы хрустели под моими пальцами, но текст,

слава богу, был вполне читаем. Почерк — уверенный, резкий. Местами я находила пометки на полях, какие-то сокращения или даже знаки.

И вот он. Рисунок одного из растений, которое я обнаружила на своей земле.

“Тьмоцвет. Один из сильнейших природных ядов. В дикой природе почти не встречается. Не растет вне южных болот. Особенно опасен в свежем, не засушенном виде. Вызывает боль, паралич, затем смерть. Предположительно используется в старой магии изгнания”.

Я откинулась назад, на спинку скрипнувшего стула.

Это растение не могло расти здесь. Оно должно было погибнуть. И все же его листья были крепкими, корни — живыми. Магия?

С удвоенным усердием я принялась за чтение и своеобразное исследование. К тому времени, как к Уэстхоллу начали подбираться сумерки, я выяснила одну весьма интригующую... и пугающую вещь.

Все растения, обнаруженные мной во внутреннем дворе, были ядовиты.

Агата что, выращивала здесь ингредиенты для ядов? Сестра целительницы, тетя природной ведьмы специализировалась на том, чтобы... отравлять? Но почему?

Мстила кому-то? Нет, глупость. Для мести уж больно большой масштаб. Если верить книге, в случае с некоторыми сильнейшими ядами достаточно было не то что одной буты-

лочки, а одной капли свежего травяного сока.

Значит, эти растения шли на продажу? Но кому? Хотелось бы верить, что охотникам и воинам, смазывающим ядами свои клинки. А не каким-нибудь отравителям и тихим убийцам.

Правды о прошлом Агаты я не знала и могла никогда не узнать. Все, что я могла контролировать: это собственное настоящее. Потому я вернулась в огород, натянув толстые перчатки, чтобы не обжечься.

И принялась вырывать ядовитые растения к чертовой матери.

Корни тянулись туго, будто цеплялась за землю из последних сил. Руки ныли, пот заливал лицо, но я не останавливалась. Я понятия не имела, кем была Агата. Но знала одно: я не хочу жить на земле, которая таит в себе смерть.

Когда я закончила, солнце уже клонилось к горизонту. Огород теперь представлял собой серое поле с выдранными клоками почвы. Отравленной почвы. Однако мне как будто дышалось легче.

Я села на крыльцо, тяжело дыша и вытирая руки о платье. А в голове крутилась одна и та же мысль: “Зачем тетя выращивала яды? И кому они предназначались?”

Глава 9. Лекарство от яда

Память Эльзы, сидящая во мне, подсказала: ее мать и Агата были совсем разными, и потому в последнее время почти не общались. Но неужели эта разница между ними была настолько велика, что одна созидала и спасала людей, а другая... помогала их отравлять?

Я не могла просто сидеть и задаваться вопросами. Вся моя суть — искать, разбирать, докапываться до сути — подталкивала меня вперед. Какой смысл в жизни, если ты пасуешь перед тем, что пугает? И даже если земля под ногами горчит ядом, отступать я не собиралась.

С первыми лучами солнца я вышла во двор. Уже знакомый “болотный” запах щекотал ноздри и заставлял морщиться. Я закатала рукава, несмотря на холодное утро. Юбка из тонкой ткани дрожала на ветру, но я этого почти не чувствовала. Все мои мысли были сосредоточены на клочке земли передо мной. Том самом, что обжог мне руку.

Но боли я не боялась.

Я опустилась на колени. Они тут же провалились в рыхлую, влажную почву. Я простерла руки над землей. Заглянула внутрь себя, прислушиваясь к своим ощущениям. Где-то там, в глубине моего тела, был сокрыт самый настоящий магический дар. Мне бы только до него достучаться.

Медленно я опустила ладони и прикоснулась к земле.

Вложила в это прикосновение то, что не могла бы объяснить словами. Намерение. Волю. Пока еще чуждую мне силу, которая принадлежала Эльзе.

Ей она была не нужна. А вот мне...

Я закрыла глаза. Почва под моими пальцами была не просто почвой. Она жила и дышала, хоть и казалась темной и гнилой. Я едва удержалась от того, чтобы не отпрянуть. Глубоко и размеренно дыша, подавила брезгливость. Не коснувшись грязи, не замарав руки, ничего не очистить.

А в следующий миг сквозь кожу в меня медленно просочилось что-то чужое. Холодное. Вязкое.

Яд.

Он пронесся вверх по руке, как горячий поток. Он пробирался по жилам, поднимался по венам, скребся в груди. Я тяжело задышала. Тело инстинктивно дернулось, но я не отшатнулась. Наоборот — вжала ладони сильнее в землю, как будто хотела вобрать в себя больше этой скверны.

Отчасти так оно и было. Ведь именно так работал дар Эльзы. В его основе — та же самая жертвенность, что была сутью дара ее матери. Вот почему она так ненавидела собственный дар.

Но я — не Эльза.

И все же... Это было больно. Почти нестерпимо. Кровь в венах будто закипела и сама стала отравленной. Пальцы горели, как будто их окунули в раскаленное масло. Боль пробежала по спине, и я согнулась, уткнувшись лбом в колени.

Но в этой боли было нечто еще. Доказательство того, что я действительно могла владеть магической силой. Я могла воздействовать на саму природу. Чувствовала, как пропитанная ядом почва становится настоящей плодородной землей — не мертвой, а живой. Здоровой. Почва под моими ладонями наконец задышала.

Но вместе с этим я чувствовала и другое. Все, что я вытянула из нее, теперь было во мне.

Кожа на руках пошла пятнами. Вены под ней пульсировали, темнея с каждым ударом сердца. К горлу подкатила горечь. В желудке было пусто, но при этом ужасно жгло. Голова гудела. Земля плыла перед глазами.

Усилием воли я поднялась на дрожащих ногах. Сжав зубы, сделала шаг, еще один. В каком-то дурмане добралась до двери, ведущей в дом. Стоило только войти, в глазах потемнело.

Я пошатнулась и упала на бок, тяжело дыша. Лежала и прислушивалась к себе. Сердце стучало слишком громко и быстро, дыхание сбилось. Я прикрыла глаза. Главное — я это сделала. Я исцеляла землю, пусть и ценой собственных сил. И сдастся мне, я сделаю это снова.

Но не сегодня... Потому что меня поглотила темнота.

Глава 10. Исцеление

Я очнулась не сразу.

Сначала почувствовала запах. Показалось, пахнет сажей и чем-то прелым, как будто кто-то сжигал мокрые корни. Следующим был звук — мерное поскрипывание дерева пола под чьими-то ногами.

А потом пришла боль. Не ударом, а тягучей, вязкой волной, расплзаясь от груди к рукам и ногам. Я застонала, пытаясь пошевелиться, но тело казалось налитым свинцом.

— Ну надо же, жива, — протянул знакомый голос. — А ведь, признаться, я уже начал морально готовиться к тому, что Уэстхолл останется без своей новой жительницы. А я — без дополнительной работы. Потому что калечить себя — это, видимо, твое излюбленное занятие.

Открыв глаза, я медленно повернула голову.

Теодор прислонился к косяку с ленивой грацией кота, которого разбудили посреди дня. На лице — спокойное, почти скушающее выражение. Но взгляд был на редкость внимательным и цепким.

— Ты пришел, — прохрипела я.

Горло было сухим, как русло реки, пережившей засуху.

— Ага, — пожал плечами он. — Представляешь? Отложил дневной сон, прервал очень важный спор с Бенедиктом и вышел из дома. Цени.

— Ты же целитель. Ты что, никогда не ходишь к пациентам?

— Сам? — фыркнул Бенедикт со спинки стула. Я заметила его только сейчас. — По собственной воле? Вот еще. Обычно судьба других людей его не слишком-то волнует.

Теодор поморщился, явно досадуя на словоохотливого фамильяра.

— Не принимай на свой счет. Просто Бенедикт все время ныл, что ты должна была прийти за книгой. А ты все не приходила. Вот я и решил тебя проведать. Подумал: вдруг ты натворила какую-нибудь глупость? И — вот так сюрприз — ты определенно что-то натворила!

— Ничего я не ныл... — начал Бенедикт.

— Цыц, вредная птица.

— Ничего я не...

— Ради бога, умолкните оба, — устало попросила я.

Теодор недоверчиво хмыкнул.

— И это твоя благодарность за спасение? Я тебя, можно сказать, с того света вытащил.

— А можно и не говорить, — встрял Бенедикт. — Потому что это неправда. Плохо ей было, да. Но чтобы прямо умирать...

Теодор наградил фамильяра таким взглядом, что даже мне стало не по себе.

— Будешь болтать — пушу на перья для письма, — пообещал он. Повернулся ко мне. — Так что случилось на этот

раз?

Я с трудом уселась на табурет у стены. Мир кружился перед глазами, а пол казался удивительно мягким и пружинистым.

— Я пыталась очистить землю, — выдохнула я.

В глазах Теодора мелькнуло недоумение.

— Очистить? Ты касалась ее снова?

Я едва кивнула. Он ругнулся вполголоса.

— Не знал, что ты знаешь такие слова, — удивленно проговорил Бенедикт.

Теодор его проигнорировал. Все его внимание сейчас было приковано ко мне.

— Ты в своем уме? Тебе жить надоело? Я, значит, трачу драгоценные силы на то, чтобы тебя исцелить, а ты...

— У меня тоже есть магические силы, — вскинув подбородок, с достоинством сказала я.

Сама не знаю, почему, выпалила ему полуправду — о том, что с детства живу с природным даром, но совершенно не умею им владеть. Точнее, это и было правдой. Да вот только не для меня.

— Мари Эльза...

Теодор замолчал, как будто мое имя все еще звучало для него непривычно. Впрочем, не для него одного.

— Ты хоть понимаешь, что на самом деле могла умереть? У тебя нет должной подготовки для создания таких чар, нет понимания, как действовать и как защищаться! Ты действо-

вала совершенно вслепую!

Я нахмурилась. Пospорить с этим было сложно, а я не любила проигрывать. Вместо этого упрямо сказала:

— Я хотела попробовать.

— Почему сейчас? — недоумевал Теодор. — Ты же сама сказала, что никогда не обращалась к этой силе. Что изменилось?

Я изменилась. В теле природной ведьмы оказалась я.

Конечно, признаться в этом я не могла. Магия магией, но это нечто совсем иное. Не каждый человек воспримет такую правду. К тому же, пусть Теодор и дважды помогал мне, я не спешила всецело ему доверять. Возможно, эта некая ведьминская интуиция, присущая Эльзе, или мое собственное шестое чувство, но мне упорно казалось, что Теодору есть, что скрывать.

Чтобы удовлетворить его любопытство, пришлось снова обратиться к полуправде.

— Я не могла жить на такой земле.

Это была вторая причина. Первая и главная — я хотела проверить собственные силы. И самостоятельно призвать магию.

— Ты про то, что она отравлена?

— Да. И мне кажется, я знаю, почему.

— У матери Эль... Я хотела сказать, у моей матери были книги по целительству... и не только. В одной из них было описание всяких растений. Так вот почти все, что росло в

огороде Ага... тети — смертельно опасно. Это яды.

— Погоди... Ты думаешь, землю прокляли сами растения? — Теодор перевел взгляд с меня на Бенедикта. — Это вообще возможно?

Вероятно, сова-сипуха был своего рода экспертом в различных магических делах.

— Если только они не источают яды... — задумчиво проговорил Бенедикт.

Я подалась вперед, взбудораженная пришедшей в голову мыслью.

— Или тетя намеренно прокляла землю, потому что ядовитые травы лучше на ней растут!

— Хм-м-м... Возможно, — неохотно проговорил Теодор. Казалось, ему не очень нравилось признавать чью-то правоту. А может, он досадовал, что не догадался до этого сам. — Тем более, таких растений я раньше не видел. И да, они определенно магические.

Магические растения... Впрочем, стоило ли этому удивляться, в таком-то мире?

Я пристально взглянула на Теодора.

— Только никому. Слышишь? Никому ни слова об этих травах.

Он чуть приподнял бровь.

— Буду держать язык за зубами. Эй, а почему ты Бенедикту такого не говоришь?

Мы с совой фыркнули одновременно.

— Не думаю, что это необходимо.

Теодор проворчал что-то неразборчивое. Я закусила губу, окидывая взглядом его лицо. В зеленых глазах читалось отчетливое любопытство.

— Ты ничего не знаешь о моей тете, да? — спросила я вдруг. — Не знаешь, кто владел этим домом до меня?

Он пожал плечами.

— Я здесь недавно. Но знаешь, что я подумал?.. Если она сама прокляла землю, значит, ее смерть никак не связана с проклятием?

— Так и хочешь найти слабые места в моей идее? — неодобрительно спросила я.

— Вообще-то я искренне пытаюсь помочь, — возмутился Теодор.

— Что он делает крайне редко, — встрял Бенедикт.

Теодор послал фамильяру еще один очень красноречивый взгляд.

— Перья для письма, — по слогам произнес он. — Помнишь?

Не дожидаясь, пока эти двое наиграются в гляделки, я перетянула внимание на себя.

— Ты сам знаешь, насколько магия может быть опасна. Я плохо знала тетю. Возможно, она использовала чары, в которых разбиралась не очень хорошо.

— Как ты сегодня, — небрежно вставил Теодор.

Я сощурила глаза, но решила пропустить его ремарку ми-

мо ушей.

— Это могло вызвать ту самую “странную болезнь”. Я не знаю. Но... не могу избавиться от ощущения, что все это как-то связано.

Забывшись, я резко поднялась с табурета. Ослабевшее от яда тело подвело меня. Меня пошатнуло, перед глазами поплыли подозрительного вида круги.

— Так, садись и дай мне руку, — требовательно сказал Теодор, подходя ближе.

Я послушалась и положила свою ладонь в его. Его пальцы были прохладными, но само прикосновение к ним согревало. И вызывало странное волнение внутри.

Теодор закрыл глаза, и я почувствовала, как энергия потекла от него ко мне. Не пламя, не свет — просто тепло. Мягкое, нежное, бережное, как вода, вымывающая изнутри яд.

Я вздрогнула. То ли от самого ощущения магии, проникающей в меня, то ли от чего-то более глубинного, что пробуждалось во мне, когда Теодор касался меня.

Он открыл глаза.

— Ты будешь в порядке. Но перестань играть с тем, чего не понимаешь.

— А как же я тогда это пойму? — невинным голосом спросила я.

Теодор посмотрел на меня — долго и пристально, и покачал головой.

— Меня окружают одни упрямцы.

— Кто бы говорил, — ухнул Бенедикт.

Я невольно рассмеялась.

— А теперь отдыхай. И вот еще что... — Теодор вынул из лежащей на полу сумки потрепанный фолиант внушительных размеров. — Здесь основное о порче и проклятиях. Если ты действительно хочешь побольше об этом узнать, начни с нее.

Я взяла книгу обеими руками, чувствуя под пальцами шершавую кожу обложки. Она пахла пылью, временем и тайнами.

— Спасибо. — Я взглянула на Теодора. Глупо, но мне не хотелось прощаться. — Так что, доктор, я не умру?

— Не умрешь. Но я начинаю подозревать, что за тобой нужен глаз да глаз.

— Даже если обычно тебе нет дела до других людей?

Бенедикт одобрительно фыркнул. Губы Теодора, к которым был прикован мой взгляд, сложились в лукавую улыбку.

— Даже если так.

Глава 11. Новые возможности

Мой дом опустел. Я сидела в кресле, укутавшись в шерстяной плед и вспоминала слова Теодора.

«На земле наложены чары скоророства и плодородия».

Простая фраза, сказанная в его лениво-насмешливой манере, не выходила у меня из головы. Если это правда и если эти чары еще действуют, несмотря на проклятие, пропитавшее землю, то... Глупо не использовать что-то, что может меня прокормить.

Все же монет, переданных мне в наследство не Агатой, а Эльзой, хватит ненадолго. А значит, нужно было как можно скорее озадачиться поиском работы. Но есть ли она в Уэстхолле?

С самой окраины в центр города я, однако, отправилась не за работой. Но все равно попала в самую гущу полуденной суеты. Кони фыркали, повозки скрипели, торговцы перекрикивали друг друга. На рыночной площади пахло сдобой, специями и медом, и в этом был какой-то искренний хаос.

Лавку семян — деревянный прилавок, покосившийся от времени и весь обложенный холщовыми мешками — я нашла довольно быстро. За прилавком стояла женщина лет шестидесяти, с лицом морщинистым, как высушенный корень. Под глазами залегли тени. Кажется, зелье от бессонницы ей бы не помешало...

— О, свежая мордашка! — проскрипела она, как только увидела меня. — Неужто новенькая? Пахнешь чужаком. Уж не из столицы ли сбежала от какого графа?

— Ничего подобного, — усмехнулась я. — Я — племянница Агаты Рейнольдс. Вы знаете ее?

Да, я решила совместить... полезное с полезным. И не только прикупить нужных мне семян, но и разузнать немного о тете Эльзы.

— Не знаю, дитя, — хмуро призналась лавочница. — Слышала, конечно, о ней, но знать не знала. Затворницей твоя тетя была. Ни с кем почти не разговаривала.

— А торговлю не вела? — осторожно спросила я.

Лавочница покачала головой.

Странно. Очень странно. Не для себя же самой Агата выращивала ядовитые растения. Ну да ладно, с этим я разберусь потом.

На холщовом полотне прилавка были разложены мешочки и коробочки, и каждая подписана выцветшими чернилами. Некоторые, благодаря книгам матери Эльзы, показались мне знакомыми. Их я и попросила.

— Мне салвиру, трагенника, лист мореллы, корень шола и пыльцу хейдара.

— Это не игрушки, — сипловато сказала лавочница. — Не для кухонного горшка. Знаешь, что с этим делать?

Я подняла на нее взгляд и прямо ответила:

— Пока нет. Но научусь. У меня книги есть.

Она прищурилась, оценивающе разглядывая меня.

— Книги, — протянула. — Значит, грамотой владеешь. Только смотри — салвира не та, что кладется в чай. Сердце может разогнать до дрожи, а тебя довести до беспамятства. А корень шола не тронь натошак — вывернет, как душу грешника.

— Хорошо, — кивнула я, перекладывая мешочки в сумку. — Спасибо за предупреждение.

— А хейдар зачем? — она приподняла бровь. — Даже у лекарей его редко берут. Книги твои кому принадлежали?

— Матери.

— Она, что ли, была ведьмой?

На миг я замерла.

— Целительницей, — отозвалась я осторожно. — Но я иду своим путем.

Торговка усмехнулась. Беззлобно, даже с неким уважением. Как та, кто сам однажды пошел наперекор чужим советам.

— Что ж, путь у тебя будет тернистый. Но если не свернешь — судьба отзовется.

Глубокомысленно и туманно, так что я ничего не стала отвечать. Отдала едва ли не последние монеты, поблагодарила и пошла прочь с рынка, чувствуя предвкушение. Я не раскопала клад, но нащупала путь к новым возможностям.

Вернувшись домой, я долго разглядывала семена — крошечные, сухие, ничем не примечательные. Ни один из них не

напоминал сокровище. Но я уже знала, какая сила прячется в моей земле. И я, конечно, не про отраву.

По тропке я прошла к тому самому клочку земли, который уже очистила. Там по-прежнему царила неестественная тишина, а над огородом витал странный запах. Но земля по моим внутренним ощущениям, стала более податливой, мягкой и... живой.

Я засучила рукава, выкопала небольшие лунки и аккуратно разложила семена. Засыпала их землей и выровняла поверхность. Потом вылила два ведра мутной колодезной воды. Очистить бы и ее тоже... Завтра же этим займусь.

На следующий день я проснулась рано. Разбудило меня не солнце — окна были плотно зашторены, — а от некоего внутреннего ощущения. Будто что-то тихо звало меня, тянуло за руку. Я поднялась, накинула плащ на плечи и вышла на улицу.

Утро было прохладным и влажным. Густая роса ложилась на траву, будто ночь оставила на прощание сотни крошечных поцелуев. Я вышла к огороду и, ахнув, замерла.

Семена взошли. Земля, которую я засеяла только вчера, покрылась живыми ростками.

Среди них первой я узнала салвиру — тонкие, светло-зеленые стебельки с крошечными лиловыми венчиками, похожими на крошки звезд. Они колыхались даже при слабом

ветерке, будто прислушиваясь к окружающему миру. Рядом тянулись вверх листочки трагеника — бархатистые, почти синие, с прожилками, мерцающими серебром.

Корень шола выглядывал из земли, будто сам тянулся наружу. Вверх поднимались мясистые, мшистые отростки, на концах которых застыли белесые капли.

Лист моррела оказался вовсе не листом — это были приземистые кустики с круглыми листьями, серо-зелеными с желтыми крапинками. В центре каждого листа виднелась выпуклая жемчужина, будто роса свернулась в шар и окаменела.

Но больше всего меня поразила пыльца хейдара. Вживую она была еще изумительнее, нежели на картинке в книге. Она распускалась в виде мелких цветов, лепестки которых были почти прозрачны, как тончайшая ткань, с серединками цвета янтаря. Над каждым цветком вился легкий туман. Казалось, будто растение само дышало светом.

Все это выросло за ночь.

Я опустилась на колени и провела пальцами по листьям, испытывая странное волнение. Почему тетя не использовала это? Почему оставила огород полным ядов?

Я снова вспомнила мать Эльзы — ту, что исцеляла и умерла от того, что дар забирал ее жизнь по капле. Я — не она, хоть моя сила тоже требует жертв. Но этот страх потерять себя передался Эльзе, а через нее — мне. Нет, свой дар я буду использовать точно и за грань не перейду.

В противовес ему есть наука, которая всегда привлекала меня. Да, прежде это выражалось лишь в любимой игре, но теперь... Теперь у меня появилась возможность заняться самой настоящей алхимией — понятной, четкой наукой со своими формулами и правилами. А жертвенную магию оставить другим.

Была в этом всем и практическая сторона. Если я научусь варить зелья, я смогу зарабатывать на них. То есть продавать не просто травы, а зелья.

Необычно? Да. Особенно для меня, попаданки из технологичного мира. Рискованно? Возможно.

Увлекательно? Еще как!

Глава 12. Сделка

Колодец стоял сбоку от дома, под покосившимся навесом, обвитым мхом. Вода там была мутной, с привкусом железа, и от нее в тугую спираль скручивался живот. Не знаю, где Агата брала питьевую воду или каким образом очищала набранную в колодце, но сегодня я пришла с намерением раз и навсегда очистить его самого.

Я присела на край, вглядываясь в темную глубину. Привычный запах — тяжелый, болотистый — стоял в воздухе. Я положила ладони на каменный край и закрыла глаза, призывая дар.

Он отозвался быстрее, чем я ожидала. Будто понемногу признавал меня своей. Казалось, мягкий ток пошел вверх по позвоночнику, наполнил пространство между ребрами, заставил меня расправить плечи. Какое-то время я просто наслаждалась ощущением магии, текущей через меня.

Сфокусировалась, пытаюсь представить себе бегущую между пальцами воду — чистую, прозрачную, холодную. Вспомнила, как мать Эльзы умывала ей лицо родниковой водой, как смеялась: “Чистая, живая вода не только тело лечит, но и мысли”.

Я сосредоточилась на этом образе.

Что-то внутри меня дрогнуло и вырвалось наружу. Ладони запульсировали, словно в них зажглись крошечные солн-

ца. По моим рукам внутрь уходило что-то тяжелое, вязкое, горькое, словно колодец отдавал то нечистое, что было в нем.

Запах изменился, стал мягче, свежее. Я медленно открыла глаза.

Вода в колодце отражала солнечный свет — кристально чистая, прозрачная. Я увидела дно — гладкие камни, отливающие зеленью. Набрала воды в ведро. От нее исходил аромат дождя и чего-то родного, очень знакомого. Я сделала глоток. Вода была прохладной, как родник, и сладковатой, как талая капля на языке.

Я улыбнулась, вытирая губы. Я очищала. Я выращивала. Я созидала.

Спасибо, Эльза, что подарила мне этот шанс.

Я сидела на скрипучем табурете в лечебнице Теодора, крутя в пальцах травинку салвиры. За окном накрапывал дождь, но из-за плотно закрытых окон этого не ощущалось. Воздух здесь был спертый и напоенный ароматом пыли.

— Ты ведь не умеешь варить зелья, да? — спросила я, глядя на Теодора.

— Острый ум — редкость для здешних мест, — протянул он с ленивой улыбкой. — Верно, не умею. И, признаться, не особенно стремлюсь.

Он откинулся на спинку кресла, сцепив руки за головой, и посмотрел на меня с видом кота, которого побеспокоили во

время сиесты. Меня такими взглядами не пронять, а потому я с удвоенной энергией принялась за расспросы:

— А кто тогда делает их в Уэстхолле?

— Сейчас — никто. Раньше — старик по имени Гревен. Говорят, рукастый был. Прожил здесь лет сорок. И умер, как все хорошие лекари, на своем соломенном матрасе от старости и чужих болезней. Меня прислали на его место. — Теодор скорчил гримасу, будто съел недоспевшую ежевику. — Не лучшая замена, по мнению местных. Я, видите ли, не оправдываю их ожидания.

— Но ты ведь лечишь. Пусть и не снадобьями, а собственным даром.

— О, ты заметила? — фыркнул Теодор. — Да, лечу. При чем забираю себе чужую боль. А они даже этого не ценят! Но знаешь, что меня особенно “радует”?

Он подался вперед, сцепив руки на груди.

— И что же?

— Бесконечные нарывы. Гнойники. Царапины от неудачных попыток порезать хлеб тупым ножом. Я хотел быть тем, кто спасает человеческие жизни! А вместо этого получаю коросту и чесотку. Ну то есть не я сам, я здоров, как бык, но... ты поняла.

— Почему ты тогда вообще тут? — озадачилась я.

Он ссутулился, потирая висок.

— Из-за отца, — буркнул наконец. — Такова была его воля. Ему нужно, чтобы я “проявил себя”. Ха. Прекрасный

план. Приехать в глушь, где все смотрят на тебя, как на оборотня, и избавить это место от всех известных и неизвестных хворей. А еще — завоевать доверие, которое старый Гревен зарабатывал десятилетиями. Дело пустяковое.

— И как, справляешься? — усмехнулась я.

— Пока я только едва справляюсь с желанием уехать обратно, — проворчал Теодор. — Но я не сдаюсь. Пока.

Я сочувствовала ему, честно. Он явно не в восторге от собственной профессии. Однако я пришла сюда не для того, чтобы жалеть обиженного судьбой красавца-целителя и быть для него жилеткой. Полагаю, с этим успешно справятся другие жительницы Уэстхола. Желающих наверняка найдется немало...

— К слову о Гревене... Он не оставил после себя каких-нибудь записей и приспособлений? Мне бы пригодилось все.

Я ведь была не то что начинающим лекарем и алхимиком. Пока скорее нулевым.

— Хм-м-м. Даже не знаю. Возможно, когда я приводил в божеский вид это место, то и впрямь кое-что находил... — вкрадчиво начал Теодор.

Я с каменным лицом взглянула на него.

— Что ты хочешь?

Теодор заметно оживился.

— Как насчет того, чтобы ты поискала нечто подобное в доме своей тети?

— С чего ты решил, что я что-то найду? — удивилась я. Он пожал плечами.

— Не решил. Скорее, надеюсь на это. Но что-то в этой истории мне не нравится. Можешь считать это интуицией. К тому же... В этом богом забытом городишке та-а-ак скучно. Я бы не прочь разнообразить досуг исследованием таинственных историй.

Я покусала губы. Отчасти я понимала Теодора: фигура отшельницы, выращивающей у себя во двореке ядовитые травы, и впрямь интригует.

— Ладно, я поищу.

Была в доме парочка особенно темных и пыльных комнаты, в которые я пока остерегалась соваться. Но, видимо, придется.

— Отлично! Но предупреждаю: если выяснится, что твоя тетя просто выращивала ядовитые травы для защиты от многочисленных ухажеров, я сильно разочаруюсь.

— А если она занималась чем-то мрачным и запрещенным? — ухмыльнулась я.

— Тогда я официально начну тебя уважать.

— Тогда ты станешь вторым таким человеком после его отца, — встрял молчавший прежде Бенедикт.

Я фыркнула. Теодор не стал опровергать это заявление. Поднявшись, направился к выходу из комнаты.

— Подожди здесь. Если записи Гревена все еще валяются в подвале, то я скоро вернусь. С полными руками паутины

и плесени.

— Потрясающе, — пробормотала я. — Ради такого стоило прийти.

— Бенедикт, а ты не хочешь мне помочь? — донесся из коридора голос Теодора.

— Нет, спасибо, не хочу, — закрывая глаза, проговорил фамильяр.

— Бесполезная птица, — едва слышно проворчал Теодор. — Пушу на перья.

Бенедикт только зевнул. День был в самом разгаре, но он, кажется, был в шаге от того, чтобы заснуть.

А нет, даже в полушаге. Так что я осталась с посапывающей совой и нарастающим ощущением, что колесо судьбы Мари Эльзы совсем скоро сделает новый поворот.

Глава 13. Первое зелье

Я устроилась за старым деревянным столом, который Теодор великодушно одолжил мне вместе с парой ненужных ему приспособлений, оставшихся от старого лекаря. На деле же это был настоящий алхимический набор: керамический тигель, ступка, реторта, пузырьки с подписями, столь же неразборчивыми, как если бы их писали врачи из моего мира, которые славятся своим почерком.

Лечебница Теодора оказалась кладезем забытого добра, и часть этих сокровищ теперь лежала передо мной. Главным из них была, конечно, тетрадь Гревена.

Страницы в ней были исписаны так усердно, что мне казалось, я слышу, как старик сопит над пером. Почерк был корявый, но старательный, с комментариями на полях вроде: «НЕ ПЕРЕГРЕВАТЬ! Будет пена. Пена — зло». Или: «Если добавить корень геллии — зелье не испортится. Но и лучше не станет».

Благослови тебя, Гревен, ты был практичным стариком. И, кажется, по-настоящему хорошим алхимиком.

Я выбрала самый простой рецепт из списка: отвар для облегчения тяжести в животе. Простой, как каша без соли. А значит, для первого опыта вполне подходил.

Главным ингредиентом значились листки миреллы — светло-зеленая трава с округлыми листьями, пахнущая чем-

то средним между мятой и деревенским сеном. Исходя из книг матери Эльзы и записей Гревена, она успокаивала не только желудок, но и любое воспаление.

Также мне требовалось немного измельченного корня хардиса — темно-коричневого, жесткого, пахнущего горечью и землей. Предусмотрительно высушенный мной, он будет отвечать за стимуляцию пищеварения.

И вишенка на торте: капля сока бемсы. Это была ягодка, внешне (и немного по вкусу) напоминающая смородину, но кислее и с ярким фиолетовым оттенком. Даже ее сок был удивительно похож на чернила.

— Главное — точность, — пробормотала я самой себе. Должен же у меня быть наставник! В данном случае я играла сразу две роли. — Не перепутай ничего.

— И ничего не взорви, — добавил Теодор.

Я послала ему полный достоинства взгляд и принялась за работу.

Первым делом я размолочила корень хардиса. Он не поддавался, будто мстил мне за то, что его вырвали из теплой материнской утробы. То есть из земли. Так что мне пришлось налечь на пестик, размалывая в ступке корень.

Будь у меня чуть поменьше гордости, обратилась бы за помощью к Теодору. Все равно он сидел, положив ноги на стол, и был занят лишь тем, что наблюдал за мной. Его внимание меня немного нервировало.

Но нет, со своим первым зельем я хотела справиться са-

мой.

Победив в неравной битве с корнем хардиса, я осторожно отмерила щепоть миреллы. Выложила ее в реторту и добавила туда измельченный корень. Воды — ровно столько, сколько сказано в заметках: “Одна чашка, не больше”. Я перелила воду из кружки, выждав ровно три вдоха после закипания, как советовал старый лекарь. Интересно, что произошло бы с водой на четвертый?

Интересно, но проверять не буду.

Когда жидкость начала менять цвет с мутно-зеленого на желтоватый, я добавила каплю сока бемсы. Только одну. Вторая бы сделала отвар слабительным, а третья — “привела бы к позорным последствиям”, как язвительно помечал Гревен. Ну, мы ведь этого не хотим, правда?

Жидкость в реторте приобрела янтарный оттенок. Запах стал менее резким, в нем отчетливо проявились сладковатые нотки.

Я сняла реторту с огня и вылила содержимое в глиняную кружку. Горячий пар обдал лицо, и я на миг замерла. Мое первое зелье. Простое, совсем не эффектное, далекое от волшебства и максимально практичное... но сделанное моими руками. Без целительной магии, требующей моих жертв. Только расчет и старание, чужой опыт и немного терпения.

Этим зельем я как будто вернулась в родную реальность... Ладно, в альтернативную реальность, в которой я, Маша-Мария-Мари (в зависимости от того, кто ко мне обращался)

вдруг стала алхимиком.

Ух, как волнующе!

Я осторожно пригубила зелье. Вкус терпкий, с легкой кислинкой. Почти приятный.

— А как мы проверим, работает ли оно? — Я с надеждой взглянула на Теодора. — Ты не мог бы съесть что-нибудь такое, чтобы у тебя появилась тяжесть в желудке?

— Что? Нет, конечно! — возмутился он, разом утратив ленивое выражение лица. — Сумасшедшая.

— Неправда, — буркнула я, всерьез раздумывая над тем, чтобы обидеться. И вообще, предпочитаю слово “экстравагантная”. — Я просто всем сердцем предана науке.

Теодор громко фыркнул.

— Тебе напомнить, что этой самой наукой ты занимаешься... дай подумать... двадцать минут?

— Может, это мое истинное призвание, — парировала я.

— Но я-то тут причем?!

Я вздохнула и перевела взгляд на Бенедикта.

— И не проси, — в своей сварливо-старческой манере проворчал он.

— Нет в вас тяги к научным открытиям!

Теодор закатил глаза.

— Это просто зелье от несварения. И вообще, даже это нужно проверить.

— Так и я о чем. Ладно, давай так: если кто-нибудь придет к тебе с такой проблемой, ты сначала дашь ему моего зелья.

Теодор недоверчиво взглянул на меня.

— Ты правда думаешь, что я занимаюсь чужими желудками? Ладно какую хворь вылечить, но это...

— А что ты в таком случае делаешь? — озадачилась я.

Бенедикт охотно ответил за него:

— Отправляет к лекарям в столицу. Или советует подождать странствующих аптекарей.

Я качала головой. Однако этот простой жест был неспособен передать всю степень моего осуждения. Удивительно, но Теодор как будто смутился (хотя Бенедикт явно не раз его этим попрекал) и забормотал что-то в свое оправдание — дескать, его дар на такое не настроен. А мне упорно казалось, что он просто не желал снисходить до столь приземленных болячек.

Что же до меня... Я никогда не страдала амбициями вроде “спасать человеческие жизни” и рада быть полезной даже в таких мелочах. Рада помочь жителям Уэстхолла, моего нового дома, тем, чем смогу.

Я во все глаза уставилась на пузырек. Первое зелье. Первое, но не последнее. Мне определенно нравилась алхимия! Она требовала точности, аккуратности, внимания... и определенно была куда интереснее, чем в игре, где все, что от тебя требуется — это просто выбрать на экране нужные ингредиенты.

А еще, в отличие от магии Эльзы, с ней ты не должен был страдать, чтобы кому-то стало лучше.

Это был совсем другой путь. Может, это и есть путь моего нового “я”, путь Мари Эльзы?

Глава 14. Сбор трав

Досадная необходимость есть, чтобы жить, и желание засеять поля семенами растений привели к тому, что денег у меня практически не было.

В кармане еще валялась пара серебряных, которых могло бы хватить на закупку новых ингредиентов, но... как насчет питательных веществ для меня самой? Жаль, что Агата промышляла выращиванием и продажей не вкуснейших овощей, а ядовитых трав.

Впрочем, я не унывала. Раз уж дар у меня природный, то почему бы и не довериться, собственно, природе? Почему бы не призвать ее на помощь? И нет, я говорю не о магии.

Ведомая этой мыслью, я и оказалась по ту сторону городских ворот, на тропинке, которая вела к холмам, заросшим редколесьем и высокой травой. Было раннее утро, когда оголенных щиколоток (я шла, приподняв для удобства юбку) касается прохладная роса, а птицы визжат так, будто каждая из них — первый в мире соловей.

— Ты уверена, что не заблудишься? — спросил Бенедикт, лениво помахивая крылья над моим плечом.

— Я уверена, что ты умеешь летать. А значит, если что — найдешь выход, — буркнула я.

Когда я объявила о своем намерении собирать растущие в округе Уэстхолла травы, реакция Теодора и Бенедикта ока-

залась диаметрально противоположной. Первый хмыкнул: “Удачи” и уткнулся в какую-то книгу, потеряв ко мне всяческий интерес. А сова, к моему удивлению, изъявил желание мне помочь. Теодор на него, кажется, обиделся.

Я же вступилась за Бенедикта: дескать, фамилльяр он или нет, он волен выбирать, кому приходить на помощь. Теодор с этим явно был несогласен и как бы вообще не ревновал. Какие мы нежные...

Как бы то ни было, Бенедикт рано утром постучал клювом в мое окно. При этом понятие “раннее утро” у нас явно разнилось. А потому открывала я сонная и злая. Позавтракав в полнейшей темноте, немного подобрела. И вот я с каждым шагом все больше углублялась в чашу.

Бенедикт уже помогал — летел вперед, зажав в когтях книгу матери Эльзы. Время от времени я сверялась с ней, чтобы понять, на какие именно растения щедры земли близ Уэстхолла и могу ли я использовать их в своих зельях.

Открывать книгу приходилось осторожно, чтобы не порвать страницу на ветру. Однако главная сложность заключалась в том, что далеко не все травы подходили для алхимии. Да, практически все из них обладали полезными свойствами. Дело было в их концентрации.

Оттого много времени уходило впустую. Сначала мне нужно было отыскать то или иное растение — как травы, так и кусты, с ягодами или без. Затем — найти его в книге и тщательно изучить всю информацию о нем. И только потом

решать, срезать ли его или оставить украшать собой мир.

Первой по-настоящему ценной находкой стала люмия — высокое растение с узкими листьями и белыми цветами, по форме напоминающими звездочки, слегка светящиеся в бледном утреннем свете. Люмия обладала целительными свойствами и хорошо помогала от сыпи, струпьев и кожных язв. Сушить ее нужно было в тени. А варить нельзя было ни в коем случае — иначе она теряла часть своих целебных свойств.

Приободренная, я аккуратно срезала цветки-звездочки и сложила в тряпичный мешочек. Подписала магическим пером, которое одолжила у Теодора. Зачарованное, перо впитывало каплю чернил и ее хватало на целый день!

Теодор, вручая мне перо, ворчал, что мои долги все растут, и скоро одними тайнами мне будет не расплатиться. Но если это будут жуткие тайны или тайны международного масштаба — другое дело.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь, думая о нем, и тут же нахмурилась.

Следующим полезным приобретением стала квейна — травка с серо-зелеными листьями, пахнувшая дымом и сухой сосной. Бенедикту этот запах почему-то очень понравился. Я даже пошутила, что он сейчас вынюхает весь аромат и ничего не останется.

Если верить записям, квейна помогала для ясности рассудка — после жара или... злоупотребления горячительны-

ми напитками. Я хмыкнула, вглядываясь в чернильные строки. В небольшом городе, словно застывшем во времени и полном скучающих вечерами жителей, зелье с подобным эффектом точно пригодится.

— Хочешь пожевать? — полюбопытствовала я, когда Бенедикт снова припал к пахучим веточкам.

— Я тебе что, вегетарианец? — фыркнул он.

— Раз ты фамильяр на службе у мага, значит, питаешься зачарованными грызунами?

Бенедикт смерил меня таким взглядом, будто услышал несусветную чушь. Я попыталась оправдаться:

— Я пошутила.

— Больше так не делай, — посоветовал он.

Передразнив его, не оценившего мое чувство юмора даже в качестве вежливого жеста, я сорвала несколько листьев квейны и спрятала в другой мешочек.

Мои находки с непривычными уху названиями все пополнялись. Последней я нашла шельвару — мох с розовато-серебристым отливом, покрывающий камни у ручья. Ее я узнала сразу, по запомнившемуся описанию: “растет только в местах, где не поют птицы”. И правда, тишина здесь стояла густая, как топленое молоко.

Шельвару приходилось соскребать осторожно, чтобы не повредить тонкий слой. Она использовалась от легкой простуды, боли в горле и для облегчения дыхания. Полезно, что ни говори. Как оказалось, даже в мире, полном магии, люди

все так же хрупки и уязвимы.

Сбор трав занял большую часть дня. Я брела по склонам, пряталась от солнца под низкими кронами и слушала, как шепчет трава. Мир за пределами Уэстхолла был по-настоящему живым. Спокойным. Умиротворяющим.

Домой я вернулась уже под вечер — уставшая, вся в пыли и царапинах от особенно недружелюбных кустов, однако с полным мешком сырья. И чувствовала себя так, словно героиня какой-нибудь игры, которая отправилась на вылазку и, пережив немало испытаний, стояла у драгоценного ларца с сокровищами.

Кто бы сказал мне еще месяц назад, что таковыми для меня станут самые обычные травы, — не поверила бы. Но жизнь порой умеет удивлять.

Глава 15. Лавочка зелий

Я взялась за работу на следующий день — как только восстановила силы.

Сначала люмия. Я высушила ее так, как было велено. Разложила цветы в тени, на деревянной доске, застеленной холстом. Сверху накрыла сеткой, чтобы не слетели. Затем принялась за квейну. С ней дело пошло быстрее: в ступке растерла листья, залила их горячей водой, подогрела до “легкого пара” и дала настояться. Получилось зелье мутно-зеленого цвета с горьким запахом, будто бы из вареной коры.

Заметки старого лекаря были лаконичны, но информативны: “Варить быстро. Можно в виде настоя. Терпкая. Не переборщить — дает головокружение”.

Получившийся настой я разлила по пустым склянкам и подписала.

С шельварой я провозилась куда дольше — варка мха, как оказалось, требовала времени. И терпения. Он пускал слизь, дурно пах, шипел, как рассерженная кошка, и дважды заставил меня чихнуть так, что я чуть не опрокинула котел.

Хорошо, что эти зелья были достаточно просты, и мне не требовались алхимические приспособления, оставшиеся в лечебнице. Ничего, кроме ступки и котла. А то представляю себе ехидные замечания Теодора...

Я на миг зависла с пипеткой в руках, глядя перед собой.

Поймала себя на том, что глуповато улыбаюсь. Тряхнула головой. О чем я вообще только что думала?

Закипевшая шельвара напомнила о себе, с настойчивостью разъяренного быка вскидывая крышку котла. Ойкнув, я помчалась к ней.

К счастью, все мои старания (и страдания) оказались не напрасны. Отвар получился светло-голубым, с легким зеленым отливом и запахом сырого камня. Его можно было пить, разбавляя водой. Помогал от першения в горле и укреплял легкие.

Проверю на себе — я как раз немного покашливала после ползания по росе. А все эта ранняя пташка по имени Бенедикт...

Когда я закончила, за окном уже темнело. На столе стояли три пузырька — мои новые зелья. Результат не чар, а внимательности, толики настойчивости и упрямой веры в то, что я справлюсь.

Странно или нет, но это было еще приятнее, нежели исцелять землю от яда, пропитавшего ее. И дело не только в неприятных ощущениях. Просто тот дар изначально принадлежал не мне, а Эльзе. Умению же создавать зелья я планомерно училась сама. Это было моим собственным достижением.

Я прижала пузырьки к груди, на миг задержав дыхание. Я выбрала путь, где сила заключалась в знании.

Это все, конечно, прекрасно, вот только полученные зе-

для мне нужно было кому-то сбывать. Хорошо бы, конечно, приобрести свою собственную лавочку, но... где на это взять денег? Или принимать людей прямо здесь?

Я решила посоветоваться с Теодором. И момент, кажется, выбрала самый подходящий! А может, во мне и впрямь проснулась ведьминская интуиция?

Теодор сидел за столом и что-то записывал на листке бумаги. При виде меня, переступившей порог лечебницы, он оживился. По какой-то неведомой причине меня это обрадовало.

— А я как раз думал закрыть лечебницу пораньше, чтобы навестить тебя.

— Тебе только дай повод пораньше улизнуть, — хмыкнул Бенедикт, важно восседающий на спинке стула.

Впрочем, недолго — уже через мгновение в него полетел скомканный и сложенный в шарик лист. Лобовой атаки Бенедикт избежать сумел, вовремя вспорхнув в воздух.

— Ты бросился в меня бумажным шариком? — с оскорбленным видом спросил он.

— Я просто проверял твою реакцию, — невозмутимо отозвался Теодор. — Стареешь, рефлексy начинают сдавать.

Бенедикт возмущенно встопорщил перья.

— Старею?! Да я столь же порывист и стремителен, как и тогда, когда был птенчиком и еще не был твоим фамильяром. Счастлиное было время!

На слове “птенчик” я подавилась воздухом. Закашлялась,

привлекая к себе внимание обоих мужчин... Ну, если так можно сказать.

— Ты хотел мне что-то сказать? — вернула я беседу в прежнее русло.

Или просто меня увидеть? Я мысленно дала себе щелчок по лбу. Не так больно, но все равно отрезвляюще.

— Да, — встрепнулся Теодор. — Один из жителей, Гарольд, чем-то отравился...

— Чем-то, — фыркнул Бенедикт. — Стряпней его жены.

— Я сказал ему, что такие болезни не лечу...

— Кто бы сомневался, — фыркнула уже я.

Теодор смерил меня утомленным взглядом. Несколько преувеличенным, надо сказать.

— Вы дадите мне договорить или нет?

Я вскинула руки, словно сдаваясь.

— В общем, я решил дать Гарольду твоё зелье. У него в запасах всё равно ничего такого не было, иначе бы он ко мне не пришёл...

— Наивный, — негромко вставил Бенедикт.

— Так что особенно выбирать ему не приходилось. В общем, Гарольд купил у меня зелье за пару медяков, а сегодня явился свежим, как огурчик! И таким же порывистым и стремительным, как Бенедикт, когда он был птенцом.

— Теперь вечно будешь мне это припоминать? — проворчал фамильяр.

Теодор ответил ему ослепительной улыбкой. Что, надо по-

лагать, означало “да”.

— А как ты объяснил, где взял это зелье? — спросила я.

Они эффективны и полезны, будучи свежими, и в обычных условиях хранятся недолго — если, конечно, сделаны не на спирту.

— Ну, я сказал, что оно изготовлено по записям Гревена. Я уперла руки в бока.

— И, конечно, ты не сказал, что изготовлено оно мной.

Теодор потер кончик носа.

— Как-то возможности не подвернулось.

— Нет, вы только посмотрите на него! Ты украл мою минуту славы! — возмутилась я.

Считаю, что имела на это полное право. Однако торжество, переполняющее меня, вытесняло все остальное. Первое же мое зелье сработало! Может, у меня и правда талант?

— Ну, теперь ты можешь сказать, что у тебя есть и другие зелья, — бойко сказала я, вынимая из наплечной сумки три пузырька.

Честно говоря, мне не очень хотелось продавать их через Теодора. Однако, сдастся мне, даже если я открою лавочку в доме Агаты, так просто ко мне никто не пойдет. Подобного рода репутация нарабатывается годами, а у жителей Уэстхолла есть возможность обратиться как к странствующим аптекарям, так и столичным лекарям.

Если не брать в расчет экстренные ситуации вроде случая с Гарольдом. Но на них особенно не заработаешь. У Теодора

же снадобья по старой рецептуре лекаря будут покупать куда охотнее.

— Но я хочу, чтобы жители Уэстхолла знали, что зелья для них делаю я!

На лице Теодора появилось странное выражение.

— И варить ты их будешь здесь?

Я задумчиво взглянула на алхимический агрегат, виднеющийся через открытую дверь и стоящий в другой комнате лечебницы. Это было монструозное соединение трубочек, колбочек, реторт и спиралей, состоящее из хрупкого стекла. Что, если он разобьется по пути в дом Агаты? Второй такой вряд ли будет так легко найти.

К тому же, Теодор может привлечь новых подопытных... я хотела сказать, клиентов. И кому, как не мне, создателю снадобий, в красках расписывать их эффекты?

Возможно, была и третья причина, которая побудила меня открыть лавочку зелий прямо в лечебнице Теодора. Но о ней я никому не расскажу.

Глава 16. Целительная мазь

— Эй, леди-травница! Мне сказали обратиться к вам.

Я обернулась от котелка, где вяло булькала настойка, и утерла лоб тыльной стороной ладони.

В дверях маячил мужчина — внушительной комплекции, рыжебородый, с румяным лицом. На голове — поношенная широкополая шляпа, на груди — грубый шерстяной камзол, явно выдавший больше дождей, пыли и грязи, чем хотелось бы.

— Кто сказал?

— Так господин целитель! Сказал, что вы варите зелья по рецептам Гревена.

Ну да. Собственной репутации у меня еще пока не было. Ладно, буду кем-то вроде помощника и подмастерья, правда, уже почившего старика.

— Зависит от того, чего вам надо. Если хотите купить эликсир вечной жизни, придется подождать лет сто. А вот если вы съели подозрительный суп и ваш желудок взбунтовался...

— Нет, госпожа. Меня, хм, лошадь лягнула, — сказал он с суровым достоинством, будто подозревал некий акт мести со стороны своей лошади. — В бок. Болит так, что нагнуться не могу. Синяк будет размером с мою корову. Есть у вас что от этого?

Значит, передо мной фермер! Один из тех, кому я должна быть благодарна за свежее молоко по утрам.

— Дайте подумать... — пробормотала я.

В тетради Гревена, которую я прочитала от корки до корки, и не один раз, было несколько целительных зелий, подавляющих боль. Однако в данном случае мазь будет куда лучше, потому что воздействует сразу на источник боли.

— Сейчас нет, но могу сделать. Возвращайтесь через день, ближе к вечеру. А пока...

Я дала парочку советов, как успокоить боль в ожидании мази, и фермер, будто бы приободренный, ушел.

Итак, для мази от ушибов мне нужны были три основных ингредиента. В качестве основы — масло корня бериласа. Жирное, тягучее, как смола. Второй ингредиент — цветы зельвии, причем только распустившиеся. Они отвечают за заживление тканей.

И наконец — трава клеммерт. По описаниям из книги — зеленая, с мелкими черными точками на листьях. Растет в сырости, снимает отек и прогревает. Ее использовали самостоятельно в разного рода примочках, а потому я надеялась отыскать ее в Уэстхолле.

И я не ошиблась! Клеммерт обнаружился у старой травницы на рынке. Это была крепкая женщина с глазами, как у ястреба, серпом на поясе и таким суровым видом, будто в любой момент готова была срезать чью-то голову вместо травы. Торговаться с ней оказалось бесполезно, так что я ли-

шилась львиной доли оставшихся у меня денег.

И когда я уже буду пополнять казну вместо того, чтобы только ее опустошать?

Масло бериласа нашлось в лавке специй, в закопченной стеклянной бутылочке, пахнувшей чем-то между древесной смолой и перегретым жиром. Дороговато, но необходимо.

Цветов зельвии не было ни у кого. Это редкая трава, которая требует чистой земли и мягкого света. К счастью, семена найти мне все же удалось. Осталось только их засеять... Вот только очищенная земля уже была занята другими травами. А остальная часть огорода Агаты была все еще поражена ядом.

Ну что ж...

Я выбрала дальний угол двора с мертвой черной землей. Села на корточки, положила ладони на землю. Внутри тут же что-то отозвалось. Под кожей побежал холод. Казалось, будто ледяные чернила растекаются по венам. Дар отзывался с привычной болью, но я знала, на что шла. И знала, что необходимо делать.

Стиснув зубы, я медленно вытягивала яд. Он входил в меня, оставляя внутри болезненные цепкие колючки. Пульс бился в ушах.

— Опять глупости творишь, — проворчал Бенедикт с ветки. — Еще немного — и придется нести тебя к Теодору в клюве.

— Сама дойду, — упрямо буркнула я.

Я учила себя чувствовать ту грань, за которой становится совсем плохо. А как это сделать без практики?

Вот я и практиковалась.

Когда земля стала мягкой, рыхлой, словно проснувшейся, я засеяла семена зельвии. Полила и, пошатываясь, отправилась к Теодору.

Он встретил меня с кружкой в одной руке и книгой в другой. Как обычно, полуразвалившись на тахте в углу лечебницы. Он напоминал мне сфинкса — по-своему мудрого, но на редкость ленивого. Или же считающего выше своего достоинства снисходить до обычных мирских дел. Вроде работы.

— Опять? — неодобрительно проворчал он, глядя на меня поверх страницы. — Вены черные.

— Сама знаю, — буркнула я. Разговаривает со мной, как с маленькой. — Ты же целитель? Вот и исцеляй. А то я развалюсь прежде, чем продам свою первую мазь.

Теодор отложил книгу. Подошел и дотронулся до запястья. Даже через боль это прикосновение вызвало мурашки по коже.

— Ты не исцеляешь землю. Ты ею травишься.

— О, как поэтично. Все, хватит ворчать. Я все равно не перестану это делать.

Мне нужна была эта земля. Нужны были травы.

— Вы как дети малые, — проворчал со своего места Бенедикт. — Глаз да глаз за вами нужен.

— Зануда пернатая, — фыркнул Теодор.

Я с наслаждением прикрыла глаза, когда волна чистой энергии прогнала жгучий яд из крови. Веки дрогнули. Я прошептала, глядя на Теодора:

— Спасибо.

— Будешь должна, — вкрадчиво сказал он, все еще держа в руках мою ладонь.

Благодаря Агате и ее чарам скоророства, зельвия расцвела уже на следующий день. Ее лепестки были белыми с фиолетовым краем и тонкими, как паутина. Я срезала цветы, осторожно, как изящные драгоценности, немного подсушила и перемолола в ступке.

Мазь варилась долго. Клеммерт — до тех пор, пока не потемнел до темно-зеленого цвета. Потом я добавила густое и вязкое бериласовое масло. В конце — порошок зельвии. Получилось нечто сиренево-зеленого оттенка, с терпким, но приятным запахом. Консистенция — мягкая, как масло, и тающая от тепла пальцев.

Я остудила мазь и разлила по глиняным баночкам. Фермер, как и было сказано, пришел в тот же вечер.

— Грейси теперь спит в стойле, — строгим голосом поделился он. — Предупредил ее: еще раз — пушу на конину.

Сурово, ничего не скажешь. Но надеюсь, эта судьба несчастную (хоть и немного норовистую) лошадку минует.

— Вот твоя мазь.

Он понюхал и одобрительно кивнул.

— Пахнет не хуже, чем суп моей тещи.

— Надеюсь, она этого не услышит, — хмыкнула я.

На прилавок легло несколько медяков. Не бог весть что за такой труд, но зато я опробовала новое снадобье. А фермера просила сказать о лавочке доброе словцо, если мазь подействует.

То есть, конечно, когда она подействует.

Глава 17. Охота за редкостями

Следующие пару недель я делала одно зелье за другим. Продавала их в дневное время, а вечерами очищала землю, клочок за клочком. Каждый раз после этого я шла к Теодору, который, как оказалось, в своей лечебнице и жил.

И нет, я не отравляла себя намеренно, только чтобы моя ладонь подольше побыла в ладони Теодора, а его магия восхитительным искрящимся потоком влилась в меня. Но... не скажу, что не наслаждалась этими мгновениями.

Он же был неизменно учтив и слегка ехиден, но никак не проявлял симпатию ко мне. Вот и хорошо. Нечего мне забивать голову подобными глупостями! За пределами моей лавочки (ну, технически, нашей с Теодором) простирался огромный мир, который мне ужасно хотелось исследовать. Но сделать это, имея в кармане лишь несколько медяков — весьма непростая задача.

Я всегда мечтала путешествовать. Там, в своей родной реальности. Но каждый раз что-то не складывалось, что-то мешало. Учеба, безденежье, потом известная всем и каждому ловушка под названием “работа”, когда в выходные и свободные часы не хочется ничего, кроме пассивного отдыха. Отчасти поэтому я стала блогером — надеялась, что с такой работой смогу чаще где-то бывать. Отчасти поэтому увлеклась компьютерными играми — чтобы расширить рамки ре-

альности.

Расширила, называется...

И пусть мне дали второй шанс в совершенно особенном мире, где существовали чары, фамильяры и целители, для путешествий по нему, увы, тоже нужны были деньги.

Так что я усиленно очищала землю, закупала семена, засеивала и выращивала травы, а свободное время проводила за чтением дневника Гревена и книг, принадлежащих матери Эльзы. Неожиданно это оказалось увлекательным чтением. Ладно алхимия — она и в игре меня привлекала, и в реальности, когда нужно было самой смешивать травы и варить зелья, оказалась даже интереснее. Но я никогда бы не могла подумать, что меня увлечет ботаника.

Что до зелий, чаще всего набор тех, которые мне заказывали, был стандартен: бальзам для заживления ран, отвар для крепкого сна, зелье от простуды и кашля, обезболивающая настойка и успокаивающий отвар. Подобные снадобья были в ходу у обычных крестьян, торговцев, ремесленников и стражников.

Я могла бы варить и продавать их годами, потихоньку пополняя свою “казну” и зарабатывая пресловутую репутацию. Все же до сих пор многие смотрели на меня с настороженностью и, придя в лавку по чьему-то совету, уходили без зелий. Вероятно, для алхимии, по их мнению, я была слишком молода. А может, жители Уэстхолла не слишком жаловали незнакомцев.

Да, я могла бы — терпения бы хватило. И все же... мне хотелось чего-то большего.

Почти в каждой компьютерной игре, действие которой происходило в мире магии, существовали те или иные волшебные зелья. “Ласточка” ускоряла регенерацию здоровья, “Гром” увеличивал урон в ближнем бою, “Эликсир Гогельмогеля” — силу и ловкость, зелье меткости — урон от лука. Существовали даже зелья телепортации, ярости, невидимости и водного дыхания.

Так чем я хуже? В смысле, почему бы мне не начать создавать по-настоящему волшебные зелья?

Однако для этого мне нужны были необычные ингредиенты. Или же и вовсе по-своему уникальные. К части из них доступа у меня не было — я не могла позволить себе отправиться в какой-нибудь дикий край. Но другие...

Охота за ними стала самым странным приключением в моей жизни. В обеих моих жизнях.

Поиски так называемых “зерен лунной росы” стали своеобразной разминкой. Это была необычная (даже по меркам этого мира) трава, произрастающая на вершинах холмов, освещенных лунным светом. Зерна этой травы содержали в себе концентрированную энергию луны, позволяющую видеть скрытые связи окружающей реальности. По мнению множества магов, это была на редкость полезная трава.

Однако срезать ее нужно было исключительно в полнолуние. Чем я и занималась почти всю ночь — решила не ждать

следующей фазы луны и заготовить волшебные “зернышки” впрок.

Следующим ингредиентом, на который я польстилась, был “шепот ветра”. Если опустить всю метафорическую и метафизическую ерунду, которой пестрели древние алхимические книги, это было нечто вроде воздушного пространства, наполненной разного рода информацией, затрагивающей как запахи, так и звуки.

Когда я впервые наткнулась на упоминание “шепота ветра”, мне стало ужасно интересно: как его вообще можно... поймать?

Ответ оказался чуть проще, чем я ожидала, но вместе с тем достаточно нетривиальным. Для начала мне нужно было найти место, где ветер меняет направление. Например, у расщелины в скале... или на вершине старой мельницы на окраине города. А затем использовать “улавливатели ветра”. Для меня ими послужили длинные хлопковые ленты.

Привязанные к ограде, они провисели целую неделю. К счастью, никому и в голову не приходило их снять. Сделала это я — на восьмые сутки, надеясь, что они впитали достаточно звуков и запахов со всего Уэстхолла. Потом я сожгла их и тщательно размолочила полученный пепел.

Вот тебе и шепот ветра...

Еще одним, несколько не банальным ингредиентом, стало... дыхание бабочки. Не настоящее, конечно. Ну, наверное.

Если верить книгам матери Эльзы, это была невидимая, но осязаемая субстанция, которую можно “поймать” на крыльшках определенных бабочек, в момент их короткого сна.

Считалось, что дыхание бабочки хранит в себе мимолетные видения и мечты.

Теодор, конечно, вдоволь напотешался надо мной — и в процессе всей этой “охоты” и, непосредственно, во время расспросов о бабочках Уэстхолла. Понимаю, что, увлекаясь, я и впрямь со стороны порой напоминала какого-нибудь безумного ученого... или исследователя, одержимого поиском сокровищ и древних артефактов.

Но как тут не увлечься? Это куда интереснее, чем просто выращивать траву за травой, очищать поля, засеивать и ждать всходов! К тому же так я понемногу узнавала окружающий мир... Пусть он пока ограничивался лишь самим Уэстхоллом и его окраинами. Но кто знает, что будет, когда я поднаторею в подобных делах?

Так что я не обращала внимания на насмешки Теодора, а планомерно следовала своей цели. Например, отыскала заброшенный сад за городом, где обитали ночные бабочки, внешне напоминающие павлиноглазок. Терпеливо дождалась, пока они уснут на цветах. А затем аккуратно поднесла к крылышку одной из них тонкую шелковую нить, чтобы “собрать” воздух.

Делать это нужно было деликатно, чтобы не потревожить бабочку. Но у меня получилось. Ну то есть я так думаю. Это

же воздух!

Нить с дыханием бабочки я опустила в пустой флакон.
Еще одна волшебная добыча...

Нет, все-таки алхимия — совершенно восхитительная вещь!

Глава 18. Истина где-то рядом

Несмотря на то, что у меня уже была парочка любопытных (и многообещающих) ингредиентов, для начала мне нужно было выбрать зелье попроще. Такое, которое у меня захотят приобрести.

Определиться с выбором помог случай... и, самую малость, Теодор.

Когда я в очередной раз пришла в лавку, он встретил меня своей привычной позой, утопая в кресле с каким-то очередным трактатом в руках и положив скрещенные в щиколотках ноги на скамейку.

А еще меня ждало весьма нетривиальное приветствие:

— Ты из тех, кто не выполняет свои обещания, да?

— Эй, что за обвинения с утра пораньше? — возмутилась я.

— Ты предпочла бы получить их после полудня? — небрежно осведомился Теодор.

Я закатила глаза.

— Ты о чем?

— Да так. — Он притворно вздохнул. — Всегда тяжело разочаровываться в людях. Доверяешь им, впускаешь в свой дом, а они...

Закатывать глаза дальше было уже некуда, поэтому я утомленно спросила:

— К чему эта драма?

Бенедикт, сидящий на жердочке у окна, кашлянул, что в его случае иногда означало смех. Такой, весьма едкий и саркастический.

— Дай переведу. Ему все наскучило и...

— Осточертело, — добавил Теодор.

— Поэтому он придумывает тайны там, где их нет.

— А, ты про записи тети Эл... Агаты? — наконец поняла я.

Вот только я сомневаюсь, что они вообще существуют.

Я заинтересованно взглянула на него.

— А ты что, в столице работал следователем? — Я задумалась, знают ли в этом мире такие слова. — Ну, кем-то вроде детектива?

Бенедикт захохотал так сильно, что едва не свалился с жердочки. Я не сразу поняла, что он умирает от смеха. Даже крыло на живот положил, словно подражая людям.

— Теодор — детектив! Хах! Смешнее шутки я сроду не слышал.

— Замолчи, — опасно сузив глаза, проговорил Теодор.

Его фамильяр, однако, не уgomонился.

— Впрочем, предположение, что он работал в столице — тоже неплохо... Ох!

Уворачиваясь от летевшей в его сторону книги, Бенедикт резко взмыл ввысь. Так стремительно, что даже, бедняжка, потерял одно перо.

— Перестань швыряться в меня чем попало! — возмутился он.

Сегодня мы занимались этим по очереди.

— Ты предпочитаешь, чтобы я швырялся в тебя чем-то конкретным? — тем же тоном, каким он недавно обращался ко мне, осведомился Теодор. — Не испытывай мое терпение, иначе я буду продолжать испытывать твои рефлексy.

Бенедикт обиженно что-то проворчал. Я шагнула к нему и успокаивающе погладила по перышкам. Словно ища утешения, сова прижался ко мне.

— Дамский угодник, — фыркнул Теодор.

— А ты грубиян! — набросилась я на него. — Как можно так обращаться со своим фамильяром, да и просто живым созданием?

— Ты на его стороне, да? — мрачно спросил он. — Лучше честно признайся, что я тебе не нравлюсь.

Ну... вообще-то ровно наоборот. И это даже несмотря на его ужасный характер!

Он был раздражающе ленив, вечно ироничен, не терпел глупых вопросов и по трижды в день повторял, что вообще-то не обязан никому помогать. Но... все же помогал. И делал это с такой небрежностью, что от этого только сложнее было устоять.

Порой Теодор так внимательно смотрел на меня, пока я возилась с травами, что, казалось, на коже останется ожог. Время от времени зелья у меня не получались. И тогда он,

не утерпев и оставив где-то по пути маску равнодушия, вставал рядом, чтобы ткнуть пальцем в строку книги, которую я упустила, или найти неточности в моих замерах (а делать это часто приходилось на глаз).

Тогда его дыхание касалось моей шеи, а в голосе отчетливее звучали хрипловатые нотки. Сердце в такие моменты начинало биться как бешеное. Я, конечно, изо всех сил делала вид, что очень сосредоточена на сушеных лепестках мортелии.

— Вот так, не сыпь всю сразу, — говорил он мне вчера, перехватывая мою руку.

Его ладонь была теплая, и он держал мои пальцы аккуратно, с почти нежной осторожностью, которая выбивала почву из-под ног.

— Это не похлебка, Мари Эльза, а травяной настой. Не сыпь ингредиенты лихорадочно, будто перед тобой сидит голодный оборотень, и если ты не дашь ему суп, то он съест тебя. Правильное зелье требует терпения. А мое кончается, когда я вижу чужую небрежность.

— Какая у тебя, оказывается, чувствительная натура, — не без ехидства отозвалась я.

И, повернувшись, снова поймала на себе его взгляд — долгий, скользящий. В такие минуты мне хотелось отвернуться и... продолжать смотреть ему в глаза, замереть и податься к нему одновременно.

В его зеленых глазах таилась вечная насмешка, но иногда

на самой их глубине проскальзывало нечто мягкое, хрупкое. Казалось, Теодор сам не отдавал себе в этом отчета.

Иногда он ворчал, что я вечно задерживаюсь допоздна в его лечебнице (и, по совместительству, доме) и мешаю ему нормально отдыхать. Но, когда он уходил в спальню, я замечала на прилавке кружку с моим любимым травяным чаем.

Однажды я уснула за книгой прямо в его кресле — никак не могла разобраться, в чем моя ошибка и почему у меня упорно не получается зелье от бессонницы. Весьма иронично, если подумать. Когда я проснулась, меня кто-то укрыл пледом, а в камине потрескивал огонь. Я тогда не сказала ничего. Мы оба сделали вид, что ничего такого не произошло.

Наши шуточные перебранки стали неотъемлемой частью нашей рутины. Да, порой Теодор раздражал меня. И порой очень сильно — до злости, до дрожи в пальцах. Но и притягивал — смесью ума, сарказма и непринужденной заботы. Он был загадкой, которую я и не хотела разгадывать, и не могла выбросить из головы.

Но я не собиралась влюбляться! Уж точно не сейчас, не в чужом мире, где я должна была для начала разобраться со своей собственной жизнью и собственным будущим. Я просто не могла отдать свое сердце тому, кто сам, возможно, не знает, что с ним делать.

И вообще, я дала себе клятву — никакой романтики. Никаких привязанностей и душевных потрясений.

Так, я, кажется, отвлеклась. О чем мы вообще говорили?

Ах да!

— Да я уже весь дом облазила, нет там записей!

— Быть такого не может. — Теодор снял длинные ноги со скамьи и подался вперед, опираясь локтями о колени. — Сама подумай... Агата Рейнольдс была той еще затворницей. Никто никогда не видел ее ни в ратуше, ни в церкви, ни даже на рынке. Она выращивала ядовитые травы... Кому-то же она сбывала их?

— Об этом я тоже думала, — хмуро призналась я.

— С твоей тетушкой определенно что-то было не так, — припечатал Теодор. — И я ни за что не поверю, что она не вела никаких записей.

Я закусила губу, рассеянno поглаживая Бенедикта.

— Что? — встрепенулся Теодор. — Ты явно что-то задумала, по глазам вижу!

— Квейна — трава для ясности рассудка — входит в одно зелье... А я как раз собиралась попробовать что-то поинтереснее, чем бесконечные снадобья от несварения. Seriously, жителям в вашем городе нужно внимательнее следить за тем, что они едят.

— Мари Эльза, — протянул Теодор, возвращая меня в реальность. — Что это за зелье?

Я взглянула на него широко раскрытыми глазами.

— Зелье истины.

Глава 19. Слезы Грибного Короля

Почему-то в дневнике Гревена не было ничего о том, что квейна при правильном приготовлении с использованием особых ингредиентов обладала таким же эффектом, что и чары истины, которыми владел Теодор. Или любой другой целитель.

Призывая эти чары, они могли как бы просматривать (читай, сканировать) человеческий организм, благодаря чему видели раны и различные проказы. Но распространялось это и на другие объекты окружающего мира, не обязательно живые. Например, на проклятую землю, отголоски магии или... тайники.

Да, можно было пригласить Теодора исследовать мой дом... Но делать этого мне, признаться, не хотелось. Во-первых, иногда и его становилось слишком много. Большую часть времени (когда ему не было лень) он сочился ехидством и сарказмом, вечно переругивался с Бенедиктом и соревновался в остроумии со мной.

Кроме того, занятая делами в лавочке и вне ее, я никак не могла выкроить время, чтобы как следует привести в порядок дом. Он больше не пугал меня своим жутким видом, как это было в самый первый мой день в Уэстхолле. Однако он по-прежнему хранил следы запустения... И как Агата только в нем жила?

Так что я решила совместить приятное с полезным и самой немного побыть магом истины. Разве это справедливо, что мне доступна лишь та сила, которой я почти не пользуюсь? Да и она служит лишь для очистки ядовитой земли. Очень увлекательно, спасибо.

И если квейна у меня была, а еще одну траву, благодаря чарам скоророства, я могла вырастить в самое ближайшее время, то достать другие ингредиенты было не так-то легко.

Первые в алхимической книге назывались “Слезам Грибного Короля”. Я уже успела надумать себе бог весть что, пока не добралась до описания. Оказалось, таинственные слезы — это конденсат, образующийся на шляпках редких светящихся грибов, которые росли глубоко в корнях древних деревьев. И, надо полагать, далеко не в каждом лесу.

Считалось, что грибы впитывали в себя истории, шепот и магические следы, оставленные существами, живущими под землей. Жаль только, там ничего не говорилось о том, что это за существа. Зато были примерные ориентиры, которые помогли мне понять, где именно искать эти грибы.

Но... мне нужна была помощь. И возможных помощников у меня было два.

— Ни за что, — не отрываясь от книги, зевнул Теодор. — Не люблю всю эту вашу...

Он растер воздух в пальцах вскинутой руки, как человек, который мучительно пытается подобрать нужное слово.

— Природу? — вскинув брови, предположила я.

Теодор звонко щелкнул пальцами.

— Точно.

Я недоверчиво фыркнула. Он это серьезно? Возникло ощущение, что воспитывался Теодор не просто в столице, а в какой-нибудь башне, из которого и носа не казал.

Честно говоря, я успела уже себе напридумывать, как он будет сопровождать меня, словно верный рыцарь или благородный принц... Да, я та еще фантазерка.

Так что моим рыцарем и принцем на ближайшие несколько часов стал Бенедикт. Между прочим, не самая худшая участь. Собеседник из него прекрасный, но главное его достоинство — он хорошо видел с высоты.

С легкостью добившись от него согласия мне помогать, я вскинула голову и проществовала к двери.

— Многое теряешь, — с достоинством сказала я.

— Ага, — пропел Теодор, утыкаясь обратно в книгу.

Вечерний лес встретил нас прохладными объятиями. В прошлом городская жительница, я вдруг ощутила себя здесь... как дома. Кажется, во мне заговорила суть природной ведьмы. Это определенно не только маркер принадлежности к определенной ветви магии, не просто ярлык или описание моих способностей... Это состояние души.

Я стояла на опушке леса, полной грудью вдыхая восхитительно влажный, землистый воздух. Каждая травинка, каждый порыв ветра или его слабый шепот в кроне отзывались во мне. Сила пульсировала в венах, связывая меня с этим

местом неразрывными узами.

Бенедикт, моя пернатая тень, лениво описывал круги над головой.

— Долго ты будешь стоять? — поинтересовался он.

— Эй, у меня тут экзистенциальное озарение!

— Чего?

Я вздохнула.

— Ничего. — Описывать философскую концепцию сове (даже говорящей) было выше моих сил. — В книге сказано, что светлячки кучкуются у тех деревьев, которые нам нужны. Так что они — что-то вроде ориентира.

Бенедикт молча спикировал вниз и исчез в сумраке под пологом леса. В ожидании него я прохаживалась вдоль опушки с магической лампой в руках. Несмотря на то, что она давала очень ровный и яркий свет, одна бы я вечером в лес ни за что не сунулась.

Даже сейчас мне было немного не по себе, хотя я знала, что Бенедикт где-то рядом.

Через несколько минут он вернулся ко мне.

— Светлячки, говоришь? Да тут весь лес ими усыпан! Но я нашел место, где они... э-э-э... кучкуются.

— Отлично, — приободрилась я. — Веди!

Продираясь сквозь лес, вскоре я набрела на небольшую поляну, усыпанную мерцающими точками — светлячками. Однако я не видела никаких древних деревьев и, уж тем более, каких-то особенных грибов. Но стоило мне выбраться

с поляны, я увидела мерцающий сияющий шлейф, ведущий куда-то вперед.

Судя по всему, светлячки и впрямь указывали путь к роще Грибного Короля. Ну, не проверю — не узнаю!

По мере того, как я продвигалась вглубь леса, ощущение единения с ним становилось все сильнее. Я чувствовала пульсацию древней природной магии под землей, там, где корни деревьев впитывали в себя истории минувших веков. Вдохновленная и взбудораженная этим ощущением, летела вперед едва ли не быстрее Бенедикта. Неважно, что на лес уже опускалась ночь. Здесь я, природная ведьма, могла чувствовать себя в полной безопасности.

Вскоре показались, вероятно, те самые древние деревья. Моим глазам открылась роща, сплошь состоящая из них. Огромные, искривленные корни деревьев уходили в землю, словно щупальца гигантского спрута. И на каждом из них — гроздья светящихся грибов.

Они мерцали мягким светом, призрачным голубоватым сиянием. Воздух был густым и влажным, пропитанным запахом прелой листвы и чего-то... потустороннего.

— Бенедикт, мы, кажется, на месте, — тихо сказала я.

Он согласно ухнул.

Приблизившись к одному из грибов, я замерла. Капельки росы на его шляпке блестели, как жидкие топазы. Я начала собирать драгоценную жидкость в крохотный флакон. И тут услышала... шепот. Едва различимый, будто кто-то переска-

зывал старую легенду, прижимаясь губами к моему уху.

— Так, спокойно, это просто воображение разыгралось, — пробормотала я.

Однако звук не стихал. И, кажется, он исходил от грибов. Да уж. Даже в магическом мире я не ожидала встретить шепчущие грибы.

Любопытство, как обычно, взяло вверх над холодным рассудком. Я сорвала один из грибов. Он оказался тяжелее, чем выглядел, и приятно охлаждал руку.

И тут лес взорвался.

Ну, не в буквальном смысле. Но все звуки усилились, ветер завыл, а деревья закричали, словно протестуя. А потом я увидела его.

Это был дух леса, сотканный из корней, мха и светящихся грибов. Глаза горели тем же призрачным голубым огнем, а древесные отростки тянулись ко мне, как костлявые пальцы.

Кажется, это и был Грибной Король, зачем-то проливающий слезы над своими подданными... или подопечными. И он определенно не был рад тому, что я сорвала одного из них.

Кажется, мне конец.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.